Т 28 б/61

...О-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
...РИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ СССР

Т 28 б/61

№ 2-3

Б. П. КОЗЬМИН

П. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ И „МОЛОДАЯ РОССИЯ“

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

158/5

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ

1932 г. № 2—3

947
к-59

Б. КОЗЬМИН

СПИСАНО.

П. Г. ЗАИЧНЕВСКИЙ
и
„МОЛОДАЯ РОССИЯ“

Т28 6/61

1204

БИБЛИОТЕКА
КЛУБА
им. КРУПСКОЙ-ЗЕРОВА
Моск. і Кур. ж. д.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА 1932

Ответственный редактор *М. М. Константинов*
Технический редактор *С. М. Матвеев*
Корректор *Л. А. Лазинская*

М 420237

Сдано в производство 22/XI. Подписано к печати 11/II. Статформат бумаги 74×1 5 1/32, 5 1/2 печ. листов 55936 тип. знаков в печ. листе

Уполн. главлит В—17104. Изд. № 15. Зак. № 4185. Тир. 25.000 экз.

Тип. НКВМ им. Клима Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

П. Г. Заичневский

1861—1862 годы

17 мая 1862 г. министр народного просвещения Головнин переслал в III отделение полученный им по почте «экземпляр воззвания, в котором не знаешь, чему более удивляться: преступности или безумию». Этим воззванием была «Молодая Россия», получившая широкое распространение и породившая большую тревогу среди тех, власти и благосостоянию которых грозило народное восстание, к которому призывала «Молодая Россия».

Что же представляла собою эта прокламация и почему она произвела такое сильное впечатление? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо обрисовать политическую обстановку, сложившуюся в России ко времени выхода этой прокламации. Тогда нам будет ясно, под влиянием каких условий была составлена «Молодая Россия» и какие обстоятельства способствовали возникновению в обществе той тревоги, которую в иной исторической обстановке эта прокламация может быть и не вызвала бы.

Первая половина XIX века (особенно тридцатые и сороковые годы) была временем интенсивного развития русской промышленности. Вот цифровые данные, характеризующие ее рост:

Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.	Сумма производства в млн. рублей.
1804	2 423	95 0 0	25,0
1825	5 261	210 568	46,5
1850	9 834	51 679	166,0

Рост промышленности сопровождался изменением ее характера: основанная на принудительном труде дворянская крепостная фабрика, господствовавшая в XVIII столетии, уступает свое место фабрике купеческой и крестьянской, начинавшей все в больших и больших размерах применять «вольный» труд. Количество рабочих, продающих свою рабочую силу за определенную заработную плату, увеличивается с каждым годом. Растет число фабрик и заводов. Поднимается и техника: западные фабричные машины начинают все больше проникать на русские фабрики, вытесняя из них ручной труд. Мануфактура перерастает в машинную фабрику.

С какой быстротой происходил процесс машинизации промышленности, видно из следующих данных, характеризующих привоз в Россию машин:

Годы	Ценность годового привоза в тыс. руб.
1841—1845	668
1846—1850	1 681
1851—1855	2 103
1856—1860	7 513

Как видим, за 20 лет привоз машин из-за границы увеличился более, чем в десять раз.

Роль России на мировом рынке увеличивалась с каждым годом. Об этом свидетельствует рост оборотов русской внешней торговли. Насколько интенсивен был этот рост нам показывают следующие цифры:

Годы	Вывоз в тыс. рубл.	Ввоз в тыс. рубл.
1801—1805	75 108	52 765
1826—1830	85 715	79 687
1856—1860	225 534	205 866

Одновременно с этим рос и внутренний рынок.

Вместе с ростом промышленности изменялся и характер торгового оборота и кредита. В 1817 г. был учрежден государственный коммерческий банк. К 1857 г. существовал уже 21 частный банк. Но их нехватало для обслуживания кредитом русской торговли и промышленности. Отсюда всеобщие жалобы на недостаток кредита.

До 1835 г. в России существовало только 6 акционерных обществ. В 1835—1855 гг. было учреждено 82 общества, а в 1855—1860 гг. — 180 обществ.

Улучшаются условия транспорта. Развивается речное пароходство. Начинают строиться железные дороги.

Однако быстрый рост промышленности и торговли наталкивался на ряд препятствий, без преодоления которых немыслимо было их дальнейшее движение вперед. Основным из этих препятствий было существование крепостного права, связывавшего развитие производительных сил страны.

Фабрично-заводской промышленности нужны были свободные рабочие руки. В крепостной России их недоставало и они были дороги. Недоста-

вало их потому, что вольнонаемных рабочих приходилось искать главным образом среди крепостных крестьян, отпущенных помещиками на оброк. Они были дороги потому, что получаемая рабочими заработная плата должна была покрывать не только потребности самого рабочего, как бы низки они ни были, но и тот оброк, который он обязан был выплачивать помещику. Свободному притоку рабочей силы на фабрики и заводы мешала и связанность ее с землей. Летом на время полевых работ рабочие покидали фабрики и отправлялись в деревню. Это вело к тому, что работа многих предприятий значительно сокращалась, а то и совсем прерывалась на несколько месяцев.

Существование крепостного права мешало таким образом созданию резервной армии рабочих, необходимой для развития капиталистической промышленности.

Фабрично-заводской промышленности нужен был внутренний рынок, достаточно емкий для того, чтобы поглощать вырабатываемые ею продукты. Крепостная деревня не могла быть таким рынком; она была слишком бедна, чтобы явиться тем потребителем, в котором нуждалась наша промышленность. Правда, как мы упоминали выше, за первую половину XIX века внутренний рынок вырос; однако рост его значительно отставал от роста промышленности.

Таким образом недостаток вольных рабочих и слабое развитие внутреннего рынка неизбежно должны были задерживать дальнейшее развитие фабрично-заводской промышленности. Другими словами, эта промышленность была заинтересована в уничтожении прикрепления крестьян к земле, т. е. в отмене крепостного права.

Капитализм не только завладевал фабричной промышленностью; он проникал и в сельское хозяйство. Деревня все более и более втягивается в торговый оборот. Помещичье хозяйство начинает работать не только на нужды своего владельца, как это было ранее, но и на внешний и внутренний рынок. Торговля хлебом и другими продуктами сельского хозяйства внутри страны и вывоз их за границу развиваются.

Так, например, вывоз льна и пеньки в 1802—1804 гг. равнялся в среднем 1 353 тыс. пудов в год, а в 1856—1860 гг. он достиг 5 млн. пудов. С 20-х по 50-е гг. вывоз хлеба почти учетверился, а ценность его возросла более чем в пять раз. К середине XIX века Россия становится «житницей Европы».

Под влиянием этого помещики начинают думать о поднятии производительности своих хозяйств. Однако это их стремление наталкивается на серьезные препятствия, обусловленные существованием крепостного права.

Труд крепостных, как и всякий принудительный труд, мало продуктивен и потому невыгоден. Если в некоторых помещичьих имениях и получает применение вольнонаемный труд, то в сколько-нибудь широких размерах это явление наблюдается только в степной черноземной полосе. Недостаток свободных, вольных рабочих рук препятствует распространению наемного труда.

Стремясь поднять продуктивность своего хозяйства, помещики начинают прибегать к машинной обработке земли и местами пробуют перейти от традиционного трехполья к многопольной системе. Но все эти интенсификаторские попытки помещиков наталкивались на серьезное препятствие — на малую производительность барщины.

Наличность принудительного труда замедляла поднятие техники сельского хозяйства.

Не помогали и попытки помещиков увеличить гнет эксплоатации крепостного труда. Для этой цели помещики прибегали к расширению площади барской запашки за счет крестьянской, повышали количество дней, в течение которых крепостные должны были работать на помещика, пытались регламентировать барщинный труд, определяя норму выработки, и т. д. Но все эти меры не приводили к благоприятным результатам, так как они влекли за собою только расстройство крестьянского хозяйства, а это неминуемо отражалось и на хозяйстве помещика.

Таким образом крепостное право становилось на пути развития не только промышленности, но и сельского хозяйства. Поэтому та часть дворянства, хозяйство которой оказывается втянутым в товарный оборот, которая мечтала о том, чтобы превратить свои поместья в «фабрики, на которых вместо сукна или других изделий производился хлеб», эта часть дворянства приходит к заключению о выгодности и экономической необходимости отмены крепостного права. Однако, соглашаясь на «освобождение крестьян», дворянство требовало, чтобы эта реформа была проведена так, чтобы интересы помещиков не пострадали и они сохранили возможность в максимальной степени эксплоатировать труд крестьян, ставших «свободными».

Так к середине XIX века потребности дальнейшего развития производительных сил России пришли в полное противоречие с существующим экономическим и социально-политическим строем. Экономическое развитие России

неизбежно влекло ее к отмене крепостного права. Реформа 19 февраля 1861 г. была продиктована реальной и неотложной экономической необходимостью.

Крымская война и тяжелое поражение, понесенное в ней Россией, обнаружив внутреннюю слабость казавшейся столь могущественной империи Николая I, сделали ясной неотложность преобразования экономического строя страны. Идеологи буржуазии начинают говорить о необходимости развития в стране «промышленной предприимчивости», о предпочтительности «вольного» труда перед принудительным, о том, что без телеграфов, пароходов, железных дорог, фабрик и заводов Россия не сможет конкурировать с другими государствами.

Правительство долгое время колебалось, прежде чем решилось на отмену крепостного права. Предел его колебаниям положило широкое крестьянское движение, развивавшееся в стране. Дело в том, что волна крестьянских протестов против крепостничества поднималась с каждым годом все выше и выше. Учащались побеги крестьян, их кровавые расправы с помещиками и управляющими, случаи неповиновения владельцам и т. п. Правительство было засыпано жалобами крестьян на злоупотребления и притеснения, которым они подвергались со стороны помещиков. О том, как интенсивно развивалось крестьянское движение, свидетельствуют следующие цифры:

Годы	Число крестьянских волнений
1826—1834	148
1835—1844	216
1845—1854	348
1855—1861	474

Как широко распространено было среди крестьян желание воли и с каким нетерпением ожидали они ее, обнаружилось с полной ясностью во время Крымской войны. Когда был объявлен набор ополчения, по деревням распространился слух, что те крепостные, которые запишутся добровольно в него, по окончании войны получат вместе со своими семействами полную волю. На почве этих слухов среди крестьян ряда губерний началось сильное движение в пользу записи в ополчение. Помещики и местные власти прилагали все усилия, чтобы удержать крестьян и внушить им, что распространившийся среди них слух неверен. Но все их меры не приводили к желаемым результатам. Крестьяне продолжали волноваться и, бросая начатые полевые работы, тайком целыми толпами бежали в города записываться в ополченцы. Понадобилось в некоторых местах, например в Киевской и соседних губерниях, вмешательство воинской силы для того, чтобы «успокоить» крестьян и заставить их попрежнему работать на помещиков.

Под влиянием растущего крестьянского движения среди привилегированных классов начинает развиваться страх перед возможностью повторения пугачевщины. Правительство в лице нового царя приходит к выводу, что лучше освободить крестьян сверху, чем дожидаться, пока они освободят себя сами снизу. Придя к такому заключению, правительство решило приняться за подготовку крестьянской реформы. Медленно подвигалась вперед разработка этой реформы, и только 19 февраля 1861 г. был наконец подписан манифест, возвещавший населению об отмене крепостного права.

Реформа 19 февраля являлась, по выражению В. И. Ленина, буржуазной реформой, подготовленной и осуществляемой крепостниками. Этим вопл-

не определялось ее содержание. Решившись на отмену крепостного права, правительство обставило ее так, чтобы интересы помещиков пострадали от нее как можно меньше.

Экономические условия, в которые были поставлены крестьяне после отмены крепостного права, обрекали их на близкое обнищание и обезземеление. Согласно положению 19 февраля они получили в надел далеко не всю ту землю, которая находилась в их пользовании во времена крепостного права. Часть этой земли была отрезана в пользу помещиков. В среднем на всю Россию эти «отрезки» достигали 18%. Особенно же велики они были в черноземной полосе, где земля представляла большую ценность и где, вследствие этого, помещики стремились отводить своим бывшим крепостным как можно меньше земли. В некоторых черноземных губерниях отрезки доходили до 44% земли, находившейся ранее в пользовании крестьян. Но этого мало: пользуясь правом, предоставленным им положением 19 февраля, выбирать для себя любую землю, помещики отводили крестьянам худшую землю. Лесов и лугов крестьяне почти не получили. Отводя крестьянам наделы, помещики стремились расположить свои и крестьянские земли так, чтобы их земля клином врезывалась в крестьянские наделы. Вследствие этого в пореформенной деревне создалась большая чересполосица. Все это делалось для того, чтобы крестьяне были вынуждены арендовать помещичью землю на выгодных для ее владельцев условиях.

К тому же результату вела крестьян и тяжесть наложенных на них «выкупных платежей» за полученные ими от помещиков наделы. Земля была отведена крестьянам по цене, значительно превышающей ее действительную стоимость. К этому надо прибавить подати и мирские сборы на содер-

жание органов крестьянского самоуправления. Тяжесть всех этих платежей, ложившихся на крестьян, была настолько велика, что значительно превышала доходность крестьянской земли. Таким образом крестьянам для уплаты налогов приходилось отыскивать дополнительные источники доходов: или приарендовать у соседних помещиков землю, или находить дополнительный заработок на стороне, в первую очередь в соседнем помещичьем имении.

Как видим, помещики, составлявшие положение 19 февраля, заблаговременно позаботились создать для себя и выгодных арендаторов и дешевую рабочую силу для своих хозяйств.

Так выгодно для помещиков было обставлено «освобождение крестьян». Эта буржуазная по своему содержанию и задачам реформа проводилась в жизнь крепостниками-дворянами; вот почему она сохранила в деревне много пережитков крепостничества. А главное — государственная власть осталась в руках крупных землевладельцев: самодержавный царь попрежнему продолжал заботливо охранять их интересы.

Реформа 19 февраля далеко не сразу отразилась на жизни крестьян. Дело в том, что по «положению» они были обязаны в течение двух лет попрежнему выполнять все свои повинности по отношению к помещикам: отбывать барщину и выплачивать оброк. Таким образом в 1861 г. крестьяне только в очень слабой степени почувствовали, что в их положении произошла какая-то перемена. Для них и после 19 февраля почти все осталось по-старому. Вот почему та реформа, которой крестьянство так давно и с таким нетерпением ждало, не могла удовлетворить его.

Полученную «волю» крестьяне почти повсеместно не признали за волю настоящую. Эта «воля» в

их представлении была волей «панской», «барской», и они продолжали ожидать другую волю, «мужицкую», такую, которая окончательно положит предел их зависимости от помещиков и передаст в их руки всю помещичью землю.

При таких условиях проведение в жизнь реформы 19 февраля наталкивалось на ряд весьма серьезных затруднений. Почти по всей России крестьяне отказывались признать об'явленную им «волю»; они уклонялись от исполнения повинностей в пользу своих бывших владельцев и старались избежать составления уставных грамот, которые должны были определить их отношения к помещикам, от которых они получали надел. На этой почве в различных местах России происходили среди крестьян волнения и «бунты». Насколько широко было распространено среди крестьян недовольство реформой можно судить по тому, что в девять месяцев 1861 г. (начиная с апреля до конца года) на территории Европейской России было отмечено 784 случая крестьянских волнений, а в 1862 г. — 388 случаев. Таковы официальные цифры, которых нет никаких оснований заподозревать в неправильности. Только в редких случаях властям удавалось успокоить крестьян и мирно уладить отношения их с помещиками. Чаще же приходилось прибегать к вмешательству военной силы. В этом отношении чрезвычайно любопытны цифры, которые мы находим во всеподданнейшем отчете министра внутренних дел.

Усмирено крестьянских волнений.

	С применением вооруженной силы.		Без вооруженной силы.	
Годы.	Число случаев.	Количество селений.	Число случаев.	Количество селений.
1861	499	1 668	285	368
1862	298	449	90	124

Особенно сильные и широко раскинувшиеся волнения происходили в 1861 г. в Казанской и Пензенской губерниях.

В Казанской губернии центром волнений было село Бездна, Спасского уезда. Отсюда волнения распространились на три уезда Казанской губернии и перекинулись в смежные с ними части Самарской и Симбирской губерний. Поводом для волнений был распространившийся очень широко слух, что крестьянин села Бездна Антон Петров нашел в об'явленном правительством «положении» истинную волю, которую помещики и чиновники пытаются скрыть от крестьян.

Антон Петров был темным и полуграмотным старообрядческим начетчиком. Читая «положение», он наткнулся на помещенный в приложении примерный образец уставной грамоты, а там его внимание привлекла фраза: «после 10-й ревизии отпускаются на волю». В этой фразе Петров нашел доказательство того, что настоящая воля была об'явлена еще три года тому назад (10-я ревизия происходила в 1858 г.), но помещики тогда утаили ее от крестьян.

Своим открытием Петров поспешил поделиться со своими односельчанами. По его собственному показанию, данному после ареста, он стал убеждать их, «чтобы они не слушали помещиков и начальников, призывал крестьян не ходить на барщину, не платить оброка, не давать подвод, даже не препятствовать, когда крестьяне увидят, что другие будут брать из барских амбаров хлеб» и т. д.

Из Бездны весть об открытии Петрова распространилась с исключительной быстротой по всей Казанской губернии. Со всех концов в Бездну шли крестьянские ходоки к Петрову.

Когда в Казани стало известно об агитации Петрова, в Бездну отправился генерал-майор граф Апраксин с войсками, чтобы усмирить крестьян и арестовать Петрова. 12 апреля 1861 г. он прибыл туда и встретил огромную толпу крестьян, категорически отказавшихся исполнить требование Апраксина относительно выдачи Петрова. Тогда Апраксин приказал войскам открыть огонь по толпе. Солдаты сделали четыре залпа. Крестьяне разбежались, оставив на месте много убитых и раненых. Петров был арестован, предан военному суду и расстрелян.

Бездненские события, о которых обществу стало известно как по слухам, так и из официальных сообщений, произвели громадное впечатление на все слои общества.

То же самое можно сказать о так называемом кандеевском бунте, охватившем три уезда Пензенской губернии и один — Тамбовской. Здесь в волнениях принимали участие десятки тысяч крестьян. Считая манифест 19 февраля подлогом помещиков, крестьяне требовали от властей и от помещиков «настоящего указа» о воле, который, по их мнению, должен был передать им всю помещичью землю и освободить их от всяких работ и повинностей в пользу помещиков. Кандеевское движение отличалось гораздо большей организованностью, чем бездненское. Из крестьян выделялся ряд агитаторов, раз'езжавших по деревням в сопровождении телеги, на которой был укреплен шест с большим красным платком и которую обычно сопровождала толпа крестьян. Агитаторы об'являли крестьянам тех сел и деревень, куда они приезжали, волю, после чего крестьяне прекращали барщинные работы, отказывались признавать вотчинные власти, а иногда и избивали их.

Между селами, охваченными волнением, была налажена связь, поддерживавшаяся посредством гонцов. Крестьяне устанавливали раз'езды и пикеты и пытались вооружиться чем попало на случай прибытия войск.

На «усмирение» волновавшихся крестьян был послан генерал Дренякин. Его попытка раз'яснить крестьянам ошибочность их ожиданий «настоящей» воли не увенчалась успехом. Три залпа, сделанных войсками по распоряжению Дренякина прямо в толпу, не оказали никакого действия: крестьяне продолжали оставаться на месте, несмотря на десятки убитых и раненых. Тогда Дренякин приказал войскам оцепить толпу, — это подействовало: толпа обратилась в бегство. «Бунт» был усмирен. Началась жестокая расправа с крестьянами, пойманными солдатами.

«Христос воскресе. Благодарю за поздравления и за дельные распоряжения», — телеграфировал Александр II Дренякину, поднесшему ему пасхальный подарок в виде десятков убитых и сотен раненых и подвергавшихся жестким истязаниям крестьян.

Жестокие расправы не могли однако подавить крестьянское движение. Едва волнения удавалось «успокоить» в одном месте, они начинались в других.

Считая полученную волю «обманной», крестьяне упорно не хотели отказываться от надежды на выполнение своей заветной мечты о воле и земле. Об'ясняя по-своему сроки, назначенные в законе для прекращения их обязательств по отношению к помещикам, крестьяне рассчитывали, что в 1863 г., через два года после издания манифеста 19 февраля, об'явлена будет царем новая — «настоящая» воля, и тогда не только прекратятся вся-

кие их повинности по отношению к помещикам, но у помещиков будет отобрана и разделена между крестьянами вся земля. Все попытки убедить их в неправильности их ожиданий ни к чему не приводили. Не помогло и вмешательство самого Александра II. Путешествуя летом 1861 г. по России, он во многих местах собирал крестьян и убеждал их не верить слухам о какой-то новой воле и призывал быть «послушными властям и помещикам». Несмотря на это крестьяне продолжали питать уверенность в том, что 19 февраля 1863 г. наступит «слушной час», когда будет произведен «черный передел».

Такое настроение крестьянской массы создавало крайне напряженное и тревожное положение. Казалось, что в 1863 г., когда крестьяне окончательно убедятся, что их надежды на получение от царя новой воли не оправдались, они повсеместно восстанут против помещиков и властей, и тогда произойдет революция, превосходящая своими ужасами и жестокостями столь памятную дворянам пугачевщину.

Ожидание грядущей крестьянской революции было широко распространено в различных кругах тогдашнего общества. Само правительство было убеждено в том, что 1863 г. не пройдет для него благополучно.

Это обстоятельство необходимо твердо помнить, так как в нем — ключ к об'яснению политических событий, разыгравшихся в России в 1861—1863 гг.

Если приближающийся 1863 г. внушал смертельный ужас бывшим рабовладельцам, готовившимся к расплате за грехи свои и своих предков, то на ряду с ними была в России общественная группа, которая все свои надежды связывала с

приближающимся крестьянским восстанием в уверенности, что его победоносный исход положит конец деспотизму, гнетущему Россию. Этой общественной группой были так называемые «разночинцы», т. е. мелкобуржуазная интеллигенция, первые кадры которой начали складываться еще в дореформенное время и которая теперь — в 60-е гг. — выступила на общественную арену в качестве самостоятельной общественной силы. Если в прежнее время русская интеллигенция по составу своему была почти исключительно дворянской, то теперь на ряду с этой старой интеллигенцией появляется новая. В ряды ее втягиваются, с одной стороны, представители низших классов (мещан, духовенства, крестьян и др.), которым удается выбиться из окружающей их среды и получить образование, с другой — выходцы из рядов оскудевшего дворянства, которых хозяйственное слабосилие и растущая задолженность их имений заставляли порывать с землею и устремляться в города в поисках службы или иных занятий, могущих прокормить их.

Появление этой новой интеллигенции было прямым результатом развития капиталистического хозяйства. Чем больше разрасталась промышленность, тем сильнее становился спрос на умственную силу. Развивающаяся и крепнущая буржуазия нуждалась не только в инженерах для своих фабрик и заводов, но и в учителях, врачах, адвокатах, журналистах и т. д. Вот почему полупустые в последние годы царствования Николая I аудитории университетов с начала нового царствования, когда доступ в высшие учебные заведения был облегчен, наполнились шумной и оживленной толпой молодежи, жаждущей получить образование. Из самых отдаленных уголков России в уни-

верситетские города ехали, — а часто шли пешком, — юноши, стремившиеся приобрести знания и при помощи их выбраться из той затхлой мещанской обстановки, из которой не было выхода для их отцов.

Как ни велик становился спрос на интеллигентные силы, предложение скоро превысило его. Образовалась довольно значительная резервная армия умственных работников, «мыслящего пролетариата», как стали выражаться в то время.

Этот «пролетариат» и по образованию и по обстановке своей жизни был чужд «благородному» и «правящему» сословию. Бесприютный, нуждающийся в самом необходимом, часто необеспеченный куском хлеба, ежечасно испытывающий на себе все прелести дореформенных полицейских порядков, этот «пролетариат» не меньше, чем крестьяне, ненавидел крепостничество во всех его формах и понимал, что дальнейшее экономическое и умственное развитие страны невозможно без уничтожения старых порядков. В борьбе за свою жизнь новая интеллигенция пыталась частью опереться на крестьянство, становясь идейной выразительницей его нужд и интересов, частью же ориентировалась на буржуазию и развитие капиталистических отношений, стремясь к европеизации русской жизни и к перестройке русского политического уклада по западному образцу.

Из этой новой интеллигенции вышло большинство участников революционной борьбы того времени.

Если буржуазная печать восторженно приветствовала реформу 19 февраля, как «освобождение», и уверяла, что эта реформа открывает перед Россией зарю новой жизни, революционеры хорошо понимали действительную цену об'явленного правительством «положения».

«Дело было начато, — писал в 1862 г. идейный вождь разночинной интеллигенции Н. Г. Чернышевский, — с желанием требовать как можно менее пожертвований от дворянства... Поэтому и результат оказался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малыми, почти незаметными изменениями существа их прежних отношений».

С такой оценкой реформы вполне сходился и герценовский «Колокол». В нем Н. П. Огарев, анализируя положение 19 февраля, прямо заявлял, что народ царем обманут, что старое крепостное право заменено новым.

Сходясь в оценке правительственной реформы, Чернышевский и «Колокол» далеко расходились между собой в вопросе о дальнейших перспективах развития России.

Герцен и Огарев продолжали верить в то, что возможно убедить царское правительство в необходимости дальнейших реформ. С этой целью они на страницах «Колокола» продолжали уговаривать царя пойти навстречу нуждам и интересам народа и довести до конца начатое им дело народного освобождения. С этой же целью они вели агитацию в пользу составления царю адреса, в котором были бы изложены все народные нужды.

В противоположность им Чернышевский не возлагал никаких надежд на реформаторскую деятельность царского правительства. Он понимал, что единственный путь к полному разрешению крестьянского вопроса лежит в крестьянской революции, которая смела бы одновременно и помещичий класс и царское самодержавие.

Волнения, которыми крестьянство ответило на реформу 19 февраля, дали сильный толчок развитию революционного движения среди интеллигенции. С самого же начала в революционных рядах наметилось несколько оттенков.

С июня 1861 г. начался по выражению Н. В. Шелгунова «прокламационный период» русской истории. В этом месяце появилась первая в России печатная прокламация. Вслед за ней начали распространяться другие. Не проходило почти ни одного месяца без того, чтобы не выходила одна, а то и несколько новых прокламаций.

Первой из них был первый номер «Великоруса», вслед за которым вскоре же появились два следующих. Эти воззвания излагали программу правого, буржуазно-демократического крыла революционного движения начала 60-х гг.

Авторы «Великорусса» полагали, что правительство «глупо и невежественно», что своею политикою оно неминуемо «ведет Россию к пугачевщине», что весной 1863 г. в России вспыхнет кровавая крестьянская революция, если только правительство не пойдет теперь же навстречу интересам крестьянства и тем не предупредит вспышку его недовольства. Предотвратить революцию можно только дальнейшими реформами.

Прежде всего необходимо возвратить крестьянам те «отрезки», которыми они пользовались при крепостном праве и которые ныне отошли к помещикам. Затем нужно освободить крестьян от уплаты выкупных платежей, приняв выкуп крестьянских наделов на счет казны. Этими мерами авторы «Великорусса» рассчитывали спасти помещичье землевладение от гибели, которая грозит ему, если не удастся предотвратить общее крестьянское восстание.

Авторы «Великорусса» настаивают далее на освобождении Польши и на предоставлении населению южной России полной свободы самоопределения.

«Главной же целью», к достижению которой должны стремиться «патриоты», является, по мнению авторов «Великорусса», «упрочение конституции». Хотя они и полагают, что «законность и нынешняя династия — вещи, которых нельзя соединить», но, находя, что «истинно конституционная монархия мало отличается от республики», авторы «Великорусса» готовы согласиться на сохранение существующей династии.

Какими же путями собираются авторы «Великорусса» добиваться осуществления своей программы? Обращаясь к «образованным классам», они призывают их «почувствовать в себе решимость обуздать правительство и руководить им». Если этот призыв останется без ответа, тогда «патриоты будут принуждены призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы». Но что же должны сделать «образованные классы» для того, чтобы «обуздать» правительство? Очень немногое. Они должны только пропагандировать в обществе мысль о необходимости подать царю адрес с требованием созыва депутатов для свободного составления конституции.

Как видим, пожелание авторов «Великорусса» отличается большой умеренностью; они не идут далее чисто буржуазных реформ. Авторы «Великорусса» не скрывают своего страха перед мужицкой революцией и приемлют ее только как последнее средство воздействия на правительство. Они решаются обратиться к народу с призывом к восстанию только в том случае, если не удастся «мирное водворение законности». Вот

почему они обращаются к Александру II и стараются убедить его, что «только правительство, опирающееся на свободную волю самой нации, может совершить те преобразования, без которых Россия подвергнется страшному перевороту».

Вскоре по выходе «Великорусса», осенью 1861 г., появляется составленная Н. В. Шелгуновым прокламация «К молодому поколению». Эта прокламация в своих требованиях идет значительно дальше, чем «Великорусс». Не передачи крестьянам отрезков требует она, а «полного уничтожения следов крепостного права» и национализации всей земли. «Мы хотим, — писал Шелгунов, — чтобы земля принадлежала не лицу, а стране, чтобы у каждой общины был свой надел, чтобы личных землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту, чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины». Прокламация Шелгунова требует широкого развития общественного самоуправления, замены существующих властей выборными, равенства всех граждан перед законом, свободы слова, уничтожения полиции, сокращения расходов на войско и т. д. Был ли автор прокламации «К молодому поколению» республиканцем? Он говорит о замене «императора, помазанного маслом в Успенском соборе», «выборным старшиною, получающим за свою службу жалование». Это дает повод думать, что он предпочитает республиканское устройство. Однако вслед за этим мы находим в его прокламации требование сокращения расходов на царскую фамилию и устранения из основных законов указания на богоустановленность царской власти. Ясно, что такие требования имеют смысл только при сохранении монархической власти, при пере-

стройке ее с византийского на западно-европейский образец, а не при полном уничтожении ее и замене республиканской. Очевидно вопрос о форме будущего государственного устройства не вполне еще решен для автора прокламации. А это об'ясняется тем, что, как мы сейчас убедимся, он не вполне еще расстался с надеждой договориться с царской властью и добиться уступок с ее стороны.

Как и авторы «Великорусса», Шелгунов убежден в близости революции. «Недовольные везде, — пишет он, — все ждут чего-то. Императорская Россия разлагается». Кровавый переворот не страшит Шелгунова. «Если для осуществления наших стремлений, для раздела земли между народом, пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого». Однако Шелгунов предпочел бы мирный исход, если бы только он был возможен. «Общее недовольство, — пишет он, — могло бы еще быть успокоено; но если царь не пойдет на уступки, если вспыхнет общее восстание, недовольные будут последовательны, — они придут к крайним требованиям. Пусть подумает об этом правительство, время поправить беду еще не ушло, но пусть же оно не медлит». Таким образом Шелгунов еще колеблется между путем революционным и путем мирных реформ, хотя надежда на возможность мирного исхода в его глазах очень мала, ибо «мы имеем дело с правительством ненадежным».

Если «Великорусс» стремится к европеизации русской жизни, к созданию из России буржуазной страны по примеру стран Западной Европы, то в противоположность ему западные порядки очень мало прельщают Шелгунова. Им он предпочитает иной путь, который по его мнению раскрывается в данный момент перед Россией. Этот путь — со-

хранение и развитие ее поземельного общинного устройства. Шелгунов верит в то, что осуществление реформ, которые он перечисляет в своей прокламации, спасет Россию от развития в ней капитализма. Через всю его прокламацию красной нитью проходит мысль о том, что социально-экономическое развитие России идет и должно итти иными путями, чем Запада. Эта заимствованная от Герцена идея получила в прокламации «К молодому поколению» весьма яркое и отчетливое выражение.

«Мы народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословлять судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастье, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти». И дальше: «Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы». В основе этой веры Шелгунова в своеобразие путей развития России лежит его убеждение в том, что общинный строй жизни русского крестьянства открывает перед Россией возможность «притти к новым порядкам, неизвестным даже в Америке». «В нашей жизни, — читаем мы в прокламации Шелгунова, — лежат начала, вовсе неизвестные европейцам. Немцы уверяют, что мы придем к тому же, к чему пришла Европа. Это ложь. Мы можем точно притти, если наденем на себя петлю европейских учреждений и ее экономических порядков, но мы можем притти и к другому, если разовьем те начала, какие живут в народе».

Все эти мысли — почти дословное повторение того, что составляло символ веры Герцена и что

он не уставал повторять еще с конца 40-х гг. С другой же стороны, эти мысли шелгуновской прокламации предвосхищают позднейшие народнические идеи, развившиеся в 70-х гг. Прокламация «К молодому поколению» была манифестом раннего русского народничества.

Если «Великорусс» отражал чаяния и пожелания буржуазной демократии, то прокламация Шелгунова являлась выразительницей интересов мелких производителей, страшившихся наступления капитализма, который грозил гибелью их экономического благосостояния. Они мечтают о том, как бы предотвратить торжество буржуазии и надеются в общинном землевладении найти лекарство, предупреждающее развитие «язвы пролетариатства», от которой страдают западные страны.

«Великорусс» и «К молодому поколению» представляли собою два различных направления в рядах революционной армии начала 60-х гг. На ряду с ними было еще третье, занимавшее крайний левый фланг. Это направление революционной мысли нашло себе выражение в прокламации «Молодая Россия». Но эта прокламация вышла в свет, как мы знаем, только в мае 1862 г., т. е. значительно позже «Великорусса» и «К молодому поколению». Поэтому прежде чем говорить о ней, необходимо познакомиться с событиями, происходившими в России зимой 1861—1862 гг.

Революционное движение быстро развивалось и широко разлилось по стране. Застрельщиками выступили университеты. Демократическое в большинстве по своему составу студенчество имело много поводов для волнений. Основным из них были реакционные меры, принятые правительством по отношению к студенчеству.

По мере того как университетские аудитории стали наполняться «разночинцами», начал изменяться весь ход университетской жизни. Студенты почувствовали себя, по выражению Д. И. Писарева, «хозяевами» университета. Они не слушали уже в благоговейном молчании ту науку, которая преподносилась им с профессорских кафедр. Они начали выражать свое мнение относительно профессорских лекций, критиковать их, выражать свое одобрение и неодобрение профессорам и даже, — как это было в московском университете и несколько раз в казанском, — требовать удаления с кафедры профессоров, преподавание которых не удовлетворяло их. На этой почве происходил ряд столкновений между студенчеством и университетским начальством.

Почувствовав себя хозяевами в университетах, студенты принялись налаживать свою корпоративную жизнь. Начались сходки. Были учреждены кассы взаимопомощи. Организовывались студенческие библиотеки и читальни, которые обычно служили и студенческими клубами, где горячо обсуждались все события русской жизни. Начал функционировать студенческий суд. Избирались депутаты, на обязанности которых лежали между прочим сношения с университетским начальством. Последнее конечно знало о всем происходящем в университетах и не только не протестовало, но молчаливо признало все те вольности, которые завели студенты. Знало о них и правительство, но не вмешивалось из опасения, чтобы не возбудить и без того взволнованной студенческой массы. Однако оно ожидало какого-нибудь подходящего повода, чтобы положить конец студенческому «своеволию».

Такой повод был найден в панихиде, которую казанские студенты устроили по крестьянам, уби-

тым во время волнений в селе Бездна. В то время, когда казанское дворянство попойками и торжественными обедами чествовало усмирителя бездненских крестьян флигель-ад'ютанта Апраксина, студенты производили между собою денежные сборы в пользу пострадавших. Не довольствуясь этим, они решились на демонстративную панихиду по убитым. После же панихиды популярный в Казани профессор Щапов выступил с речью, в которой помянул убитых крестьян, как «искупительную жертву деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу». Свою речь Щапов закончил словами: «Да здравствует демократическая конституция!» Это было 17 апреля 1861 г.

В Петербурге весть о казанской панихиде произвела сильное волнение. Александр II заявил министру народного просвещения, что «такие беспорядки, какие ныне волнуют университеты, не могут быть долее терпимы» и что с студенческим движением надо бороться всеми мерами вплоть до закрытия университетов. Для выработки этих мер была образована особая комиссия из трех заядлых реакционеров. Комиссия выработала правила для студентов, получившие в мае 1861 г. высочайшее утверждение. С осени эти правила должны были начать проводиться в жизнь. Эти правила делали обязательным посещение студентами лекций, устанавливали надзор за учебными занятиями, запрещали студенческие сходки, кассы взаимопомощи и иные проявления корпоративной жизни студенчества, а также вводили обязательную плату за учение. Для малоимущего в большинстве своем студенчества особенно чувствительна была эта последняя мера. Фактически она закрывала доступ в университеты громадному количеству юношей, жаждавших получить образование.

Как только студенты возвратились после летних каникул в университеты и им стало известно о новых правилах, среди них началось большое возбуждение. Стали устраиваться сходки, на которых шла речь о том, как реагировать на правительственные меры и как добиться отмены их. Движение началось с Петербурга, но вскоре же перебросилось и в другие университетские города.

Как видно из изложенного, студенческое движение 1861 г. по своим непосредственным причинам и по задачам, к достижению которых оно стремилось, было движением чисто академическим. Однако в условиях русской жизни того времени это академическое движение переросло в политическое.

Так именно смотрело на него само студенчество, по крайней мере наиболее революционно настроенная часть его. В Петербурге с первых же дней во главе движения становится тайный студенческий комитет, который сознательно шел на то, чтобы добиться закрытия университета правительством и этим показать, как мало правительство уважает науку и как враждебно относится оно к народному образованию. Как известно, студентам удалось добиться этого: петербургский университет после ряда многолюдных и шумных сходок и столкновений студентов с полицией был закрыт. Того же самого добились и казанские студенты. Сложнее дело обстояло в Москве: там на ряду с крайней партией в студенчестве образовалась довольно сильная умеренная партия, которая вела двойную игру, поддерживая негласно сношения с администрацией в лице генерал-губернатора и действуя по его указаниям.

Не довольствуясь устройством сходок в стенах и на дворах университетов, студенты выносят свой

протест на улицы. В Петербурге они устраивают демонстративное шествие к дому попечителя учебного округа, добиваясь вызвать его на об'яснения. В Москве они организуют две внушительных демонстрации: торжественную панихиду на могиле Грановского, сопровождавшуюся речами революционного характера, и шествие к дому генерал-губернатора с требованием освободить арестованных товарищей. Казанские студенты устраивают шумную демонстрацию перед домом попечителя округа.

Студентам казалось, что их движение может послужить началом восстания и поэтому они безбоязненно шли навстречу репрессивным мерам правительства. «Не трусьте энергических мер, — писали петербургские студенты в выпущенной ими рукописной прокламации.—Имейте в голове одно: стрелять в нас не смеют — из-за университета в Петербурге вспыхнет бунт. Уже теперь наши начальники твердят, покачивая головами: «Столица неспокойна».

Студенты не ошибались: начальство, вплоть до самого высшего, было сильно напугано студенческим движением и допускало возможность того, что оно явится началом серьезных волнений. Из Петербурга в Крым, где в то время находился царь, летели тревожные сообщения и телеграммы. В ответ на них царь приказал принять самые решительные меры к подавлению студенческого движения.

В Петербурге собравшиеся около запертого университета студенты были окружены войсками и полицией и переарестованы. Казематы Петропавловской крепости и Кронштадта наполнились студентами. В казанский университет были введены войска. В Москве было организовано дикое избие

ние студентов, пришедших к дому генерал-губернатора. Они были окружены полицией и казаками и избиты. В расправе со студентами принимали участие дворники и лавочники, среди которых полиция распространила провокационные слухи о том, что студенты добивались восстановления крепостного права.

Особенно пугало правительство то, что студенческое движение встретило весьма сочувственное отношение со стороны либеральной части общества. Правительственные мероприятия вызывали нескрываемое осуждение даже со стороны людей, весьма далеко стоявших от политики. В студенческих демонстрациях принимало участие не мало «посторонних лиц». Арестованные студенты получали в изобилии еду, фрукты и цветы. Среди сенатских чиновников производилась подписка под адресом царю с просьбой об освобождении арестованных студентов.

Мало этого: студенты едва не получили поддержки со стороны, на которую они вряд ли рассчитывали. Когда 12 октября по Москве разнеслись слухи о том, что студенты «бунтуют» перед домом генерал-губернатора, с окраин города потянулись в центр рабочие и мастеровые люди, чтобы поддержать студентов. Однако, когда они добрались до дома генерал-губернатора, там все уже было кончено: избитые студенты были переарестованы, и площадь опустела. Рабочим и мастеровым пришлось ни с чем возвращаться по домам.

Студенческое движение оказало большое революционизирующее влияние даже на ту молодежь, которая не принимала непосредственного участия в нем. К тому же результату вели и репрессивные меры правительства. Такие факты, как арест известного писателя М. И. Михайлова по делу о рас-

пространении прокламации «К молодому поколению» и высылка из Петербурга пользовавшегося большой популярностью среди студенчества профессора П. В. Павлова за речь, в которой он упомянул о необходимости не отступать с пути реформ, на который 19 февраля 1861 г. вступило правительство, — возбуждали сильное недовольство и обнаруживали призрачность надежд на правительственный либерализм. В результате всего этого за несколько месяцев оппозиционное настроение в стране возросло в такой степени, в какой при иных условиях оно не могло бы возрасти в течение нескольких лет.

Особенно это сказалось на молодежи, побывавшей в связи с университетской историей в Петропавловской крепости и в казематах Кронштадта. Число заключенных там студентов доходило до нескольких сот человек. Молодые люди, побывавшие там, выходили оттуда решительными противниками существующего политического строя. Петербург становится центром революционного движения. Когда арестованные студенты были освобождены, они решили во что бы то ни стало поддерживать друг с другом связь, которая была разорвана вследствие исключения всех их из университета и закрытия его. Наилучшей формой для сохранения связи представлялась организация немноголюдных кружков, находившихся в общении друг с другом через своих представителей.

В начале 1862 г. Петербург покрылся сетью таких кружков. Они не были оформленными организациями, ставившими определенные цели своей деятельности. Это были группы товарищей, соединенных между собою общим для всех их отрицательным отношением к царскому произволу. Члены кружков собирались время от времени у

того или другого из товарищей для обмена мнениями по поводу прочитанного и продуманного. Состав кружков был текучим: все время в них входили новые члены и выходили старые — в зависимости от того, как расширялся или суживался круг знакомства их членов. Одним словом это были группы друзей и знакомых, а не организованные политические общества.

Аналогичные кружки возникают и во многих провинциальных городах.

Некоторые из кружков, не довольствуясь разговорами и политическим саморазвитием, пытаются перейти к революционной деятельности. Одни из них составляют прокламации и пытаются наладить тайное печатание их. Другие начинают вести революционную пропаганду среди учеников воскресных школ, в которых студенты составляли главный контингент преподавателей. Третьи пытаются наладить пропаганду среди солдат петербургского гарнизона.

Однако все это не удовлетворяло революционную молодежь. В ее среде росло убеждение в необходимости создания широкой революционной организации, которая была бы способна возглавить крестьянское восстание и руководить им.

Между тем зачатки такой организации уже существовали. Еще летом 1861 г. в Лондоне между Н. П. Огаревым и приехавшими из России представителями радикальных кругов общества Н. Н. Обручевым, Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Слепцовым и др. велись разговоры на тему об организации тайного политического общества, которое по возможности охватило бы всю Россию и было достаточно сильно для того, чтобы в момент восстания, в близости которого никто не сомневался, стать во главе его и внести в него пла-

номерность и дисциплину, необходимые для успешного его исхода. Результатом этих переговоров явилась статья Огарева «Что нужно народу», помещенная в № 102 «Колокола» от 1 июля 1861 г. и вслед затем напечатанная в весьма большом количестве экземпляров в виде прокламации и получившая очень широкое распространение в России.

Эта статья рассматривалась, как программа будущего тайного общества. На основе ее должна была производиться пропаганда и организация революционной силы в народе, среди интеллигенции и в армии.

Возвратившись осенью 1861 г. в Россию, Н. А. Серно-Соловьевич и его товарищи принялись за подготовительную работу, начав привлекать членов в организуемое ими тайное общество. После студенческих волнений 1861 г., учитывая рост революционных настроений в рядах студенчества, организаторы тайного общества решили обратить на него особое внимание. Всю зиму шла интенсивная работа, и к весне 1862 г. большинство петербургских студенческих кружков превратилось в ячейки тайного общества, принявшего позднее (в августе 1862 г.) название «Земли и Воли». К тайному обществу примкнули и офицерские кружки, существовавшие в то время в Петербурге.

Одновременно с этим организаторы тайного общества завязывают связи с провинцией. Во многих провинциальных городах организуются отделения общества, связывающие друг с другом местные революционные кружки. Сеть отделений тайного общества широко раскинулась по России. Число его членов насчитывалось сотнями.

Инициаторы «Земли и Воли» ставили своею задачею сплотить в рядах тайного общества все

оппозиционные силы страны, всех недовольных существующим порядком. Вследствие этого тайное общество по своему составу было довольно разношерстным. На ряду с революционными элементами в него вошли представители более умеренных кругов общества. Об'единение их было возможно только ценою взаимных уступок. «В деле народного освобождения, — писали организаторы «Земли и Воли», — должны сглаживаться спорные оттенки одной и той же свободолюбивой партии». Естественно, что при таких условиях программа и тактика тайного общества не могла не носить компромиссного характера.

Что касается статьи Огарева «Что нужно народу», упомянутой нами выше, то требования, выдвигаемые в этой статье, сводились к передаче крестьянским общинам за особое вознаграждение, выплачиваемое ими помещикам, помещичьей земли в размерах, достаточных для пропитания членов общины, к замене правительственных чиновников выборными властями, к привлечению представителей народа для определения размеров и для раскладки податей и повинностей и наконец к сокращению расходов на войско и царский двор. Как видим, программа Огарева оставляет в неприкосновенности существующий социально-политический строй, довольствуясь отдельными реформами довольно умеренного характера.

Ясно, что, если бы тайное общество осталось при такой умеренной программе, оно не могло бы привлечь в свои ряды революционные элементы общества. В своих позднейших прокламациях «Земля и Воля» выдвинула более решительные и революционные требования, чем в статье Огарева. «Измученные и лишенные всех человеческих прав, — писали организаторы «Земли и Воли» в

прокламации «Свобода», — все классы русского общества почувствовали наконец потребность новой свободной жизни. Самодержавие по самому принципу неспособно удовлетворить этой потребности и никогда добровольно не может отказаться от вооруженного господства над жизнью людей и их свободою, и потому оно должно быть разрушено; цепи деспотизма, глубоко врезавшиеся в народный организм, должны быть разорваны». В качестве ближайшей задачи начатой борьбы против правительства «Земля и Воля» выдвигает созыв учредительного собрания из выборных представителей свободного народа для определения нового общественно-политического строя освобожденной России. Так, по мере углубления разрыва между правительством и оппозиционными элементами общества, «Земля и Воля» отошла значительно влево от своей первоначальной программы, насколько мы можем о ней судить по статье Огарева.

Выдвигая идею созыва учредительного собрания, «Земля и Воля» мечтала при помощи его «предотвратить или по крайней мере ослабить то кровопролитие, которое правительство вызовет своим дальнейшим существованием». В этих словах вполне ясно сказывается страх руководителей «Земли и Воли» перед крестьянской революцией, которая рисовалась им, как новая пугачевщина, их стремление ослабить ее ужасы при помощи вмешательства «образованных классов» в ход событий. «Она, — писали землевольцы про крестьянскую революцию, — может получить исполинские размеры кровавой драмы, если все или по крайней мере большинство способных и честных из образованных классов не станет на сторону доведенного до восстания народа».

Компромиссный характер программы «Земли и Воли» был слабой стороной этого тайного общества, так как он свидетельствовал, что в рядах «Земли и Воли» об'единились элементы разнородные, союз между которыми не может быть вполне прочен. Умеренность программы тайного общества неизбежно должна была вызвать оппозицию со стороны его левого крыла, настроенного более революционно и менее склонного итти на уступки правому крылу, чем руководители тайного общества. Так, имеются основания предполагать, что московское отделение «Земли и Воли» (или по крайней мере часть его) находило программу, выдвинутую центром, недостаточно революционной; в Москве шли разговоры о необходимости пополнить программу общества требованием национализации земли. Однако все эти разногласия обнаружились позднее; зимою же 1861—1862 гг. они были мало заметны.

Конечно в это время правительство еще не подозревало о той работе по организации тайного общества, которую вели Н. А. Серно-Соловьевич и его товарищи. Организаторы «Земли и Воли» действовали очень осторожно и с большой конспиративностью. Однако оживление, царившее зимой 1861—1862 гг. в революционной среде, не было тайной для правительства; кое-что доходило до него через его тайных агентов, кое-что становилось известным вследствие провалов отдельных революционных ячеек. К тому же временами растущее в обществе недовольство прорывалось наружу в форме довольно бурных вспышек. Так было вслед за упоминавшейся выше высылкой профессора Павлова. Дело в том, что в Петербурге в первые месяцы 1862 г. по инициативе студентов были организованы публичные лекции,

которые должны были хоть отчасти заменить для студентов закрытый правительством университет. На эти публичные лекции собирались не только студенты, но и гимназисты, офицеры, дамы «из общества» и т. п. Лекции вошли в моду. После высылки Павлова студенты, в виде протеста против этой меры правительства, потребовали прекращения лекций. Один из профессоров, Н. И. Костомаров, категорически отказался исполнить это. Тогда на первой же лекции студенты устроили шумную обструкцию, в результате чего правительство закрыло «вольный университет». Эта история, произошедшая в начале марта 1862 г., наделала очень много шума и показала, что революционно настроенная молодежь готова самым резким и решительным образом реагировать на каждый акт правительственного произвола.

Особенно страшила правительство связь, налаживавшаяся между русскими революционными кругами и польскими.

Неудачный исход Крымской войны, обнаруживший внутреннюю слабость России, дал толчок развитию оппозиционного и революционного движения не только в России, но и в русской Польше. Бестактное заявление Александра II, приехавшего в 1856 г. в Варшаву, депутатам от дворянства относительно того, что режим, установленный в Польше Николаем I, не будет нисколько изменен, сопровождавшееся советом «отбросить всякие мечтания», привело к тому, что в оппозицию перешло и крупное польское дворянство, склонявшееся до того к соглашению с русским правительством. В Польше образуются две партии, враждебные России и мечтающие о восстановлении независимого польского государства. Одна из них, — партия аристократическая, дворян-

ская, так называемые «белые», — мечтала о том, что восстановление Польши будет достигнуто при помощи вмешательства западно-европейских государств в польские дела.

Другая, — демократическая, «красные», состоявшая из представителей мелкой шляхты и городской мелкой буржуазии, — ориентировалась на подготовку восстания. Летом 1860 г. в Варшаве и других городах начались уличные демонстрации и протесты, направленные против русского правительства и принимавшие иногда грандиозный характер. Репрессивные меры русской администрации не могли приостановить движения. Оно беспрерывно росло и развивалось. Не помогли и те реформы, на которые пошло правительство в расчете сломить аристократическую оппозицию и примирить ее с русским господством. Та пародия на автономию, которая была проведена правительством, никого не обманула. Волнения продолжались. Пришлось Польшу об'явить на военном положении. Однако применением вооруженной силы можно было бороться с открытыми выступлениями, разгонять толпы, собирающиеся на улицах, расстреливать безоружных демонстрантов и т. д. Против революционного подполья репрессии правительства оказывались бессильными. Между тем еще в октябре 1861 г. в подполье возникла революционная организация, широко раскинувшаяся по всей Польше и имевшая свои отделения внутри России, даже в ее столицах — Петербурге и Москве, среди проживавших там поляков. Организация эта ставила своею задачей подготовку вооруженного восстания. Предполагалось к весне 1863 г. закончить все приготовления и выступить открыто с оружием в руках против русского правительства.

Правительство Александра II знало о существовании в Польше революционной организации, насчитывавшей к 1862 г. десятки тысяч членов, но не могло ни обнаружить ее, ни арестовать стоящий во главе ее Центральный комитет. Знало оно и о том, что поляки подготавливают к 1863 г. восстание. Положение осложнялось тем, что в русских войсках, расположенных в Польше, находились люди, сочувствовавшие полякам и готовые рука об руку бороться с ними против правительства. В апреле 1862 г. в находившемся под Варшавой стрелковом батальоне была раскрыта революционная организация, члены которой вели пропаганду среди солдат. Два офицера и один унтер-офицер, принадлежавшие к организации, были приговорены к расстрелу.

Через польские организации, существовавшие в Петербурге и Москве, польские революционеры были связаны с русскими революционными организациями. Предполагалось, что в 1863 г. и те и другие выступят единовременно.

Таково было внутреннее положение к весне 1862 г., когда появилась «Молодая Россия». Как мы видим, правительство чувствовало себя со всех сторон окруженным врагами. В конце 1861 г., обрисовывая внутреннее положение России, министр внутренних дел Валуев во всеподданнейшем докладе счел нужным отметить, что правительство не имеет влияния на массы и не может опереться «ни на одну из главных частей этих масс».

Это признание Валуева показывает, насколько правительство не было уверено в то время в своих силах и в прочности своего положения.

В. И. Ленин в своей статье «Гонители земства и аннибалы либерализма», характеризуя эпоху начала 60-х гг., писал: «Оживление демократиче-

ского движения в Европе, польское движение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и под цензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых очень часто приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников — применять такое «положение», студенческие беспорядки, — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».

Как мы убедились из сказанного выше, в этих словах сжато, но с исключительной меткостью обрисована революционная ситуация, создавшаяся в России на другой день после пресловутого «освобождения крестьян от крепостной неволи».

Такова была историческая обстановка, в которой появилась «Молодая Россия». Но прежде чем говорить об этой прокламации, необходимо познакомиться с личностью и деятельностью ее автора П. Г. Заичневского и с тем революционным кружком, который был им организован.

Кружок Заичневского и Аргиропуло

Петр Григорьевич Заичневский родился 18 сентября 1842 г. в Орловской губ., в имении, принадлежавшем его отцу, отставному полковнику. Имение это было небольшое: в конце 50-х гг. в нем числилось 177 крепостных «душ». Прокормить семью Заичневских это имение не могло, и родителям П. Г. приходилось думать о том, чтобы дать детям образование, которое открыло бы им путь к служебной карьере.

В 1851 г. Петр Заичневский был отдан в орловскую гимназию; в 1858 г. он окончил ее с серебряной медалью «за благонравие и отличные успехи» и вслед за этим поступил на физико-математический факультет московского университета.

Заичневский был живым и впечатлительным юношей, горячо интересовавшимся общественными науками, особенно историей. «Занимаясь в гимназии по преимуществу историей, — говорил он о себе на допросе в III отделении, — я в первый раз познакомился с действиями социалистов, как политических людей».

Интерес к общественным наукам не охладел в Заичневском и в университетские годы. Особенно внимательно изучает он историю революционных движений на Западе: французские революции, де-

ятельность Мадзини и основанной им «Молодой Италии», польское восстание 1831 г. и др. С другой стороны Заичневский уделял много внимания различным социалистическим учениям. Он недурно был знаком с западными утопическими социалистами XIX века. Он изучал произведения Луи Блана, Леру, Прудона и других писателей. Знакомство с их сочинениями сделало Заичневского убежденным социалистом.

Развитию в нем интереса к социалистическим идеям сильно способствовали сочинения Герцена, широко проникавшие в то время в Россию и пользовавшиеся большим распространением среди студенческой молодежи.

«По прибытии в университет, — говорил Заичневский на допросе в III отделении, — я прочел некоторые сочинения Герцена и, встречая там почти на каждой странице слово «социализм», я стал отыскивать всевозможные случаи к прочтению социальных сочинений. Покупая эти сочинения, я увидал разумность мнений, излагаемых в них, и убедился в необходимости их приложения для выхода из положения, так тяготеющего над нами и убивающего все наши способности. Убедившись в этом, я стал постоянно спорить о политике и защищать разумность социализма. Этот-то беспрестанный спор и содействовал к развитию во мне социальных идей».

По складу своей натуры Заичневский был убежденным агитатором и пропагандистом. Усвоив себе социалистические идеи, он считал необходимым при всяком удобном случае выступать с пропагандой их. В своих товарищах по университету, живо интересовавшихся социалистическими идеями, но очень мало знакомых с ними, Заичневский находил внимательных слушателей.

«Большинство товарищей, с которыми я встречался, — говорил Заичневский на допросе,—имеют весьма случайные социалистические убеждения по небольшому знакомству с произведениями западных социалистов». Учитывая это, Заичневский решил, не ограничиваясь устной пропагандой, организовать литографирование и распространение запрещенных в России сочинений. Осуществить этот план было не трудно. В то время студенты широко прибегали к литографированию профессорских лекций. Пользуясь неразвитостью литографщиков, Заичневский решил попробовать дать им под видом профессорских лекций революционные произведения. Сделать это было тем легче, что правительственного надзора за типографиями в то время почти не существовало. По сведениям, собранным следственной комиссией, разбиравшей в 1861 г. дело Заичневского, в то время в Москве существовало до 150 частных литографий; из них только 96 было открыто с разрешения правительства; остальные же возникли без его ведома и работали вне всякого контроля с его стороны. Этим и воспользовался Заичневский для приведения в исполнение своего замысла.

В 1857 г. правительство издало книгу барона М. Корфа о восшествии на престол императора Николая I. В этой книге много места было отведено восстанию декабристов, которых автор книги изображал, как честолюбцев и авантюристов. Огарев написал и напечатал в Лондоне разбор книги Корфа, в котором опровергал все его клеветнические измышления относительно декабристов. Этот-то разбор Огарева Заичневский и решил отлитографировать в первую очередь.

Заичневский нашел одного наборщика, знакомого с литографским делом, купил для него литографский станок и нанял квартиру, в которой и началось литографирование сперва профессорских лекций, а затем — книжки Огарева.

В мае 1859 г. эта книжка вышла в количестве 300 экземпляров. К ней был приложен портрет Огарева. Продавалась она по 65 коп. за экземпляр и разошлась в течение одного дня. Таким образом первое нелегальное издание Заичневского имело большой успех. «Желающих приобрести ее так много, что некоторые платили вдесятеро дороже стоимости», — сообщал III отделению из Москвы жандармский полковник Воейков.

Успех книжки Огарева побудил Заичневского продолжать начатое дело. В 1860 г. были отлитографированы «Былое и думы» и «Тюрьма и ссылка» Герцена. Они расходились так же быстро, как и книжка Огарева.

Особенно сильно литографирование нелегальной литературы развернулось в Москве с начала 1861 г., когда этими делами занялся кружок революционно настроенной молодежи, сгруппировавшейся вокруг Заичневского и его друга Аргиропуло.

Студент юрист Перикл Эммануилович Аргиропуло пользовался среди товарищей по университету не меньшей популярностью, чем Заичневский. Все встречавшиеся с Аргиропуло отзываются о нем, как о человеке замечательном и исключительном по дарованиям. Известный впоследствии земский деятель В. Н. Линд, встречавшийся с Аргиропуло в 1860—1861 гг. в воскресных школах, где они оба преподавали, писал в своих воспоминаниях: «Все окружающие относились к Аргиропуло не только как к товарищу и другу, но и

как к учителю. Во всяком случае несомненно, что он был выдающимся и оригинальным человеком».

Даже следственная комиссия по делу Аргиропуло и Заичневского отозвалась о нем, как о «личности, одной из самых даровитых, образованных и чуждых малейшему эгоизму».

Этот отзыв очень характерен, так как он показывает, какое сильное впечатление производила личность Аргиропуло даже на врагов.

Когда и где познакомились друг с другом Аргиропуло и Заичневский, нам неизвестно. Возможно, что они встретились в тайном студенческом кружке, носившем название «Библиотека казанских студентов».

Кружок этот возник в 1859 г. Название его об'яснялось тем, что первоначальными организаторами кружка были студенты уроженцы Казани и близкого ей Поволжья; только позднее, по мере развития деятельности кружка, в него стали входить уроженцы и других местностей. Кружок организовал для студентов библиотеку, состоявшую из запрещенных в России книг. Целью кружка было политическое развитие его членов и сближение их в целях пропаганды революционных идей с офицерами московского гарнизона. Кружок отличался большой конспиративностью, что дало ему возможность просуществовать в течение ряда лет.

Как Аргиропуло, так и Заичневский были членами этого кружка. Однако в начале 1861 г. они вышли из него вследствие каких-то «разногласий на почве устава Библиотеки казанских студентов».

Выйдя из «Библиотеки», Аргиропуло и Заичневский образовали новый кружок, поставивший своею основною задачею издание запрещенной

литературы в целях пропаганды революционных и социалистических идей.

Как и большинство революционных кружков того времени, кружок Аргиропуло и Заичневского не представлял собою организации, строго оформившейся, обладающей определенным составом членов, выработанной программой, уставом и т. п. В сущности это было не столько политическое общество, сколько группа товарищей, об'единенных друг с другом дружескими чувствами и общностью политических устремлений. В связи с этим состав кружка был неопределенным и текучим.

К тому же кружок Заичневского и Аргиропуло, устраивая собрания для обсуждения различных общественно-политических вопросов, широко раскрывал доступ на эти собрания даже для посторонних лиц, не состоявших членами кружка. Московские студенты были хорошо осведомлены о возникновении в их среде «общества коммунистов».

Все это крайне затрудняет определение состава кружка. Можно предполагать, что число его членов доходило до 20 или 25 человек.

Не надо думать, что все его члены были политическими единомышленниками в полном смысле этого слова. Их об'единяло общее для всех них отрицательное отношение к русским политическим порядкам их времени, к крепостничеству и самодержавию, а не какие-либо определенные социально-политические убеждения. Налет симпатий к социализму, относительно которого у них были весьма смутные представления, лишь прикрывал у них недовольство существующим политическим строем. В этом отношении Заичневский и Аргиропуло, серьезно интересовавшиеся вопросами социализма и бывшие убежденными сторон-

никами социалистических идей, являлись исключением в рядах своих товарищей по кружку. Говоря на допросе о своих товарищах по университету, Аргиропуло заявил: «Я не знаю ни одного из них, который бы был достаточно знаком с сочинениями писателей тех школ, которые обыкновенно обозначаются общим названием «социализма». Еще более определенно звучит свидетельство Заичневского. В письме к Аргиропуло, дошедшем до нас, Заичневский, говоря: «мы социалисты», добавляет: «я осмеливаюсь так называть из нашего общества тебя и себя».

Эти обстоятельства делают ясным, почему Аргиропуло и Заичневский основной задачей своего кружка ставили пропаганду социалистических идей среди интеллигенции и, в первую очередь, среди студенчества. В отличие от пропагандистов 70-х гг., издававших ряд брошюр, предназначаемых для распространения среди крестьянства, кружок Заичневского и Аргиропуло издавал литературу, рассчитанную исключительно на интеллигентных читателей. Среди их изданий на первом месте стояли сочинения Герцена и Огарева. Большое внимание уделялось распространению атеистических идей и материализма. С этой целью кружком были изданы русские переводы сочинений Фейербаха «Сущность христианства», Лорана «Христианство» и «Сила и материя» Бюхнера. Предполагалось издание некоторых произведений Прудона, в том числе его «Что такое собственность?». Переводом Прудона на русский язык был занят Заичневский, которому арест помешал довести до конца эту работу.

Если принять во внимание, что литографирование запрещенной литературы прекратилось в

июне 1861 г. в связи с арестом Аргиропуло и Заичневского, то придется признать, что издательская деятельность их кружка развернулась довольно широко. К тому же надо иметь в виду, что некоторые из книг, выпущенных кружком, выдержали по нескольку изданий; так например «Сила и материя» Бюхнера переиздавалась три раза.

Члены кружка с увлечением занимались своим делом. Автор письма о смерти Аргиропуло, помещенного в 1863 г. в «Колоколе», писал: «Убежденный в крайней необходимости освобождения русской мысли от цензурных колодок, он (Аргиропуло) смело принялся за дело тайного книгопечатания. Не жалел он для такого дела ни трудов, ни сил, ни жизни. Сам переводил, поощрял целые десятки рук к тому же труду, платил бедным студентам хорошие деньги из своих скудных материальных средств. Когда же набралось довольно материалов, все это печаталось и литографировалось в огромном количестве экземпляров и распродавалось по самой умеренной цене. Деньги, вырученные от такого дела, поступали в пользу бедных студентов в московскую студенческую кассу». (Аргиропуло был избран ее кассиром.)

Другой современник, рассказывая о том, как происходило распространение запрещенных сочинений, писал: «На это необходимо было затратить известный капитал, без которого литографы не хотели давать камней; тогда богатые студенты отдали деньги, другие продавали шубы, часы, кольца, и залог был дан; начались переводы; более 500 человек студентов занимались день и ночь; переводили матери и сестры некоторых студентов, и через неделю начали литографировать; общая цель была распространить эти сочинения; о последствиях никто не заботился».

Если в этом письме и есть несомненные преувеличения, тем не менее оно очень хорошо передает тот энтузиазм, с которым члены кружка относились к начатому ими делу.

Издательская деятельность кружка сопровождалась большим успехом. Выпущенные им книги разбирались нарасхват. Так например, 700 экземпляров «Сущности христианства» Фейербаха разошлись в три дня. Так же быстро разошлось «С того берега» Герцена, и скоро экземпляр этой книги начал котироваться по три рубля.

Как ни широко развернулась издательская деятельность кружка, его члены мечтали о большем: им хотелось от литографирования перейти к печатанию и для этой цели организовать тайную типографию. Они знали, что в Москве уже существует один подпольный печатный станок.

В конце 1860 г. московские студенты Я. Сулин и И. Сороко и корректор типографии «Московских ведомостей» Петровский-Ильенко организовали «первую русскую вольную типографию». Приобретя деревянный типографский станок, они на квартире Сулина отпечатали на нем книгу Огарева «Разбор сочинения Корфа». В феврале 1861 г. книга эта вышла в свет. Станок, на котором она была отпечатана, настолько расшатался во время печатания, что работать на нем более было невозможно, ввиду этого он был уничтожен.

Однако Сулин и его товарищи не намеревались прекратить печатание. При содействии известного впоследствии предателя Всеволода Костомарова, сыгравшего такую гнусную роль в процессе Н. Г. Чернышевского, им удалось приобрести второй станок, на этот раз металлический. На нем должны были печататься прокламации Чернышевского «К барским крестьянам» и Шелгунова

«К солдатам»; однако печатание этих прокламаций не состоялось, и станок стоял без употребления.

Мечтая организовать тайную типографию, кружок Заичневского решил приобрести этот станок. Сделка состоялась: станок был куплен и перевезен на квартиру Аргиропуло. Однако арест Аргиропуло помешал членам кружка воспользоваться станком, хотя он и не был найден при обыске жандармами.

Деятельность кружка Заичневского и Аргиропуло не ограничивалась только распространением запрещенной литературы. Члены его приняли деятельное участие в том движении, которое охватило в то время всю русскую революционно и оппозиционно настроенную молодежь, — в устройстве воскресных школ для народа. Организаторы воскресных школ ставили своею задачею распространение в народных массах просвещения, ранее совершенно недоступного для них. Воскресные школы устраивались как для детей, так и для взрослых. В школах этих обучали грамоте и преподавали грамматику, арифметику, начатки истории, географии и естественных наук. Некоторые из преподавателей на ряду с этим пытались просвещать своих учеников и в политическом отношении.

Первые воскресные школы возникли в 1859 г. в Киеве, Петербурге, Екатеринославе и других городах. Через год они уже насчитываются десятками. Москва в этом отношении отстала от других городов. В ней первые воскресные школы были организованы только в середине 1860 г. Но вслед за этим они начали возникать одна за другой, и к концу 1860 г. в ней было уже 12 воскресных школ, в том числе три специально для женщин. Во главе этих школ стояло особое общество,

состоявшее главным образом из студентов. Большинство же этих студентов было членами кружка Заичневского и Аргиропуло.

Программа преподавания в московских школах была довольно широкой. «Целью воскресных школ, — читаем мы в одном документе, отобранном при обыске у члена кружка Лебединского, — было поставлено с самого начала не только учить чтению, письму и счислению, но по возможности развить понятие мальчиков, посещающих эти школы, для того, чтобы поставить их в более естественные отношения в их семейной жизни, чтобы дать им понятие о честности, отвратить их от лени, дать занятие их уму, — что все так необходимо, особенно при совершившейся теперь, а тогда только предвиденной перемене в быту низшего народоселения» (имеется в виду отмена в 1861 г. крепостного права).

Велась ли в московских школах революционная пропаганда, как это было в Петербурге, нам неизвестно, но несомненно, что преподаватели, пользуясь широтой программы преподавания, читали своим ученикам такие легальные произведения, которые привлекали внимание учеников к общественным вопросам, например «Хижину дяди Тома» и некоторые рассказы Марко Вовчка, изображавшие тяжелую жизнь крестьян.

Воскресные школы пользовались большою популярностью. Ученики,— как дети, так и взрослые,— охотно посещали их и внимательно прислушивались к тому, что преподавалось в них. С другой стороны, и среди интеллигенции господствовало повальное увлечение воскресными школами. Движение по открытию этих школ развилось так широко, что привлекло к себе внимание правительства, испугавшегося того сближения

интеллигенции с народом, которое происходило в воскресных школах.

В декабре 1860 г. шеф жандармов кн. Долгоруков забил тревогу по этому поводу, он представил царю особую записку о воскресных школах, в которой между прочим писал: «Правительство не может допустить, чтобы половина народоселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-нибудь отдельного сословия». Долгоруков высказывал опасение, что работа молодежи в воскресных школах «упрочит за нею на твердом основании доверие и благодарность народных масс». Под влиянием записки Долгорукова министерство народного просвещения поспешило издать циркуляр, вводивший ряд стеснений преподавания в воскресных школах. Циркуляр министерства об'являл, что «воскресные школы должны служить только пособием приходским училищам». Сообразно с этим преподавание в воскресных школах ограничивалось только предметами, проходившимися в приходских училищах: закон божий, чтение и письмо на русском языке и первые начала арифметики. Вместе с этим циркуляр предписывал попечителям учебных округов учредить усиленный надзор как за преподаванием в воскресных школах, так и за политической благонадежностью их педагогического персонала. Во исполнение этого циркуляра попечитель московского учебного округа поспешил подчинить все воскресные школы директорам разных московских гимназий.

Эти правительственные меры заставили членов кружка Заичневского и Аргиропуло отказаться от преподавания в воскресных школах. В разговоре с попечителем округа они заявили, что при новых

условиях, в которые поставлены воскресные школы, они лишены возможности продолжать работу в них.

Уйдя из воскресных школ, которые, лишившись своих лучших преподавателей, скоро пришли в полный упадок, члены кружка стали мечтать об организации обширного общества для распространения знаний в народе при помощи организации частных школ, совершенно независимо от правительства, и для издания специальной литературы, предназначенной для распространения в народе через ходебщиков. Предполагаемое общество должно было быть одновременно и легальным и тайным. Предполагалось организовать свою типографию и печатать в ней книги, «в которых будут простой русской речью излагаться для народа политические истины».

Из всех этих планов ничего не вышло не только потому, что осуществлению их помешал арест руководителей кружка, но и потому, что самый проект имел явно утопический характер: правительство, преследовавшее воскресные школы, никогда не дало бы разрешения на организацию такого общества.

Познакомившись с тем, как шла работа кружка Заичневского и Аргиропуло, мы должны остановиться на отношении этого кружка к наиболее важным политическим событиям, волновавшим в то время всю Россию: польскому вопросу, крестьянской реформе и студенческому движению.

Как указано выше, конец 50-х и начало 60-х гг. были отмечены ростом революционного движения в Польше, и в самом Царстве Польском, и в Северо-западном крае происходили непрерывные демонстрации и протесты против русского господства. Поляки почти открыто готовились к вос-

станию, которое произошло позднее — в 1863 г. При таких условиях взоры русских революционеров невольно обращались на Польшу. Они внимательно следили за событиями, развертывавшимися там, и открыто выражали свое сочувствие полякам, видя в них своего естественного союзника в борьбе против общего врага — русского правительства.

Несомненно, что кружок Заичневского и Аргиропуло с не меньшим сочувствием, чем другие русские революционеры того времени, относился к польскому делу. В частности это можно сказать относительно Заичневского, который нашел случай выступить с публичным выражением своих симпатий к Польше.

15 февраля 1861 г. в Варшаве произошла шумная и многолюдная демонстрация против русского правительства. Были вызваны войска; они стреляли в демонстрантов. При этом 5 человек было убито. 17 марта поляки, студенты московского университета, устроили во французской католической церкви в Москве богослужение по 5 убитым во время варшавской демонстрации. В церковь собралось около 200 студентов — поляков и русских; в числе последних был и Заичневский, который решил воспользоваться этим случаем, чтобы предложить полякам союз с русскими революционерами.

По окончании богослужения, когда собравшиеся вышли из церкви, Заичневский с паперти произнес речь, в которой призывал поляков об'единиться для борьбы с общим врагом под общим знаменем — «красным знаменем социализма или черным — пролетариата». Свою речь Заичневский закончил словами: «Да здравствует социальная Польша!»

Призыв Заичневского не встретил сочувственного отношения со стороны поляков. Даже левое крыло польских революционеров того времени — так называемые «красные» — мечтало только об одном — об отделении от России и об образовании независимого польского государства. Польское движение было движением чисто национальным, лишенным какой бы то ни было социалистической окраски. То знамя, об'единяться под которым Заичневский призывал поляков, могло только отпугнуть их.

Это ясно из дошедшего до нас письменного ответа поляков на речь Заичневского.

«Вы приглашаете нас стать с вами под одно знамя. Да где же у нас знамя общее?» — спрашивали поляки и вслед за этим категорически заявляли, что ни под «красное знамя социализма», ни под «черное знамя пролетариата» они не станут. «По нашему мнению, — писали они, — время социализма для нас еще не настало, так как ни у вас, ни у нас нет еще пролетариата, который бы представлял разумную основу и оправдание его существованию. По нашему мнению социализм для вас роскошь, чуть ли не излишняя, а для нас просто непростительная».

Идеалам Заичневского поляки противопоставляли свои идеалы. «Свобода и независимость нашего народа — вот единственный лозунг наш. Иного мы и знать не хотим, иначе мы изменили бы первому. Никакая социальная теория не может нас соединить воедино. Мы можем подать вам руку, но не иначе как только во имя нашей самостоятельности, поскольку вы признаете требование наше справедливым.

Таким образом рука, протянутая Заичневским полякам, не была принята и повисла в воздухе.

Не мог кружок Заичневского и Аргиропуло не отозваться и на такое исключительное по важности событие русской жизни, каким была реформа 19 февраля 1861 г., отменившая крепостное право. В вопросе об отношении к этой реформе обнаружились непримиримые разногласия, существовавшие между руководителями кружка — Заичневским и Аргиропуло — относительно основных задач революционной деятельности.

Обсуждая план своей работы на летние месяцы 1861 г., во время каникул, кружок нашел, что его деятельность должна развиваться в том же направлении, в котором она велась ранее. Разъехавшись на лето из Москвы, члены должны были, с одной стороны, захватить с собой для распространения нелегальную литературу, с другой — заняться на местах просветительной работой среди народа. Так, член кружка Понятовский, приехав на родину в Нижегородскую губ., организовал там на летние месяцы негласную школу для крестьянских детей, в которой было более 50 учеников. Такую же школу организовал и другой член кружка Покровский. На ряду с этим шло распространение нелегальной литературы, возбудившей большой интерес в провинциальном обществе. Так например, член кружка Александр Новиков, поехавший на лето в Харьков, захватил с собой большой запас литографированных изданий. У него были сочинения Герцена, Огарева, Фейербаха и Бюхнера, причем одного Фейербаха он взял с собою около 50 экз.

Вскоре после приезда в Харьков он писал оставшемуся в Москве Аргиропуло:

«Торговля, как ты можешь заключить из посылаемых тебе 130 руб., пошла здесь весьма хорошо... Больше всего здесь требований на Бюхне-

ра; если бы я даже привез сюда 100 экз. Бюхнера, то и те быстро раскупились».

Совершенно иначе решил провести свой летний отпуск Заичневский. Зная о крестьянских волнениях, происходивших в то время почти по всей Европейской России, и полагая, что крестьянство находится накануне всеобщего восстания, он решил, что заниматься просветительной деятельностью не время. Уезжая на лето на родину, в Орловскую губ., он намеревался заняться там пропагандой среди крестьян. Заичневский не скрывал своего намерения от товарищей, и о нем стало известно даже московскому обер-полицеймейстеру через его агентов.

21 мая 1861 г. Заичневский выехал из Москвы. Железной дороги на Орел тогда еще не было, и ему пришлось ехать на лошадях. Уже около г. Подольска он наткнулся на случай, показавшийся ему удобным для того, чтобы начать пропаганду среди крестьян. Дело в том, что местный помещик кн. Оболенский созвал выбранных от крестьян своего имения, повидимому для того, чтобы начать с ними переговоры относительно составления уставных грамот. Заичневский решил воспользоваться этим и обратиться к крестьянам с критикой положения 19 февраля и с призывом к восстанию.

«Мужики окружили меня и с радостью слушали, — писал Заичневский своему брату Николаю. — Я им говорил о том, что земля их и что если помещики не согласятся, то они могут принудить их к тому силой, что все пойдет хорошо, если только они перестанут надеяться на государя, давшего им такую гадкую волю, и тут же рассказал им об Антоне Петрове. Один дворовый, стоявший тут, на

вопрос мой, что же он будет делать без земли, отвечал, показывая на руки: «Добудем от помещика; ведь я не один, у нас сила».

Заичневский говорил подольским крестьянам о волнениях в Бездне и об Антоне Петрове и указывал на то, как безрассудно восстание без оружия: как бы ни была многочисленна толпа безоружных, ее всегда разгонят несколько десятков солдат. Крестьянам надо, по словам Заичневского, итти в города, чтобы достать там для себя оружие. Только тогда, когда они вооружатся, их возмущение будет иметь успех.

Этот первый опыт пропаганды среди крестьян показался Заичневскому весьма успешным и укрепил его в его намерениях.

По приезде в Орел Заичневский продолжал свою пропагандистскую деятельность как среди крестьян, так и среди местной интеллигенции.

Он деятельно принялся распространять привезенную с собой нелегальную литературу. Официальные источники отмечают совпавшее с приездом Заичневского появление в Орле в значительном количестве литографированных листков «Колокола», которые местная полиция находила даже на улицах.

Прирожденный агитатор, Заичневский не пропускал ни одного случая, казавшегося ему подходящим для того, чтобы развивать перед слушателями свои революционные идеи.

И в Орле до него продолжали доходить слухи о крестьянских волнениях, происходящих в разных местностях России. Эти слухи укрепляли в Заичневском веру в близость и неминуемость всеобщего восстания крестьянской массы. Особенно сильное впечатление произвел на него Кандеевский бунт, о котором мы говорили выше. Узнав о

нем, он поспешил поделиться полученными сведениями со своим другом Аргиропуло: «Здесь проезжал полковой командир Казанского полка, ходившего на усмирение крестьян в Пензу, — писал ему Заичневский, — и рассказывал, что там взбунтовалось тысяч до тридцати, но которые были раз'единены. Над первой толпой, встретившей их и состоявшей по крайней мере тысяч из двенадцати, развевалось красное знамя. В день восстания несколько мужиков стали на телеге и везли красное знамя и говорили собравшемуся народу, чтобы он шел в заранее назначенную деревню. Три раза стреляли, и ни один из них не двинулся с места. Вот оно, красное знамя начинает развеваться и у нас и осенять собою толпы собравшихся, хотя и невооруженных, но все-таки на защиту великого дела социализма — общинного владения землей!!!».

Конечно слухи о событиях, разыгравшихся в Пензенской губернии, могли только укрепить в Заичневском его решение заняться революционной пропагандой.

В письме к Аргиропуло Заичневский так описывал свою агитационную деятельность:

«Случилось несколько скандалов в моих препираниях с помещиками.. Одного чорт дернул начать возражения против социализма и сказать, что в 48 году [1] социалисты прилагали свои теории к практике и доказали всю несостоятельность их. Я ему начал отвечать теми словами, что «говорить можно о том, что знаешь, а чего сам не знаешь, о том лучше молчать». Рассказав историю 48 года, я перешел к положению крестьян в России и наконец воздал хвалу Антону Петрову.

---

[1] Имеется в виду французская революция 1848 г.—*Б. К*

Благородное дворянство переглянулось и встало. Ни один не стал возражать. Я, посмотрев на них, захохотал во все горло и ушел. Одним словом скандалов столько, что и не перечесть. А я еще ничего не говорю о скандалах с маменьками и тетеньками, у которых есть дочки. Молодежь однако слушает с восторгом речи об эмансипации женщин».

О пропаганде Заичневского среди крестьян мы можем судить по его письму к брату. На следующий день по приезде Заичневского в имение к отцу выходила замуж одна крестьянка, и П. Г. пригласили на свадьбу. «Мужики встретили меня с удовольствием. Я выпил за здоровье новобрачных, за здоровье хозяйки, поднял рюмку за волю и произнес речь. Мужики окружили меня и, когда я кончил, старшие стали обнимать и все наперерыв звать к себе. Целые послеобеда я принужден был переходить из дома в дом, где мужики пили за мое здоровье и мой приезд. Наконец, в заключение спектакля, они сказали, что готовы отдать мне последнюю курицу».

Это была не единственная попытка Заичневского пропагандировать среди крестьян. Позднее, при допросе в следственной комиссии, он сам рассказывал о том, что в некоторых деревнях Орловской губернии ему приходилось говорить с крестьянами «о необходимости выбрать им общинное начало перед личным».

«Я ставил своею задачею, — говорил Заичневский следователям, — распространение мыслей, составляющих мое убеждение, Я говорил крестьянам о самой идее государя, об идее правительства и сравнивал настоящее правительство с тем, которое произошло бы при общинном порядке. Я указывал на несвоевременно-

ность настоящего экономического и политического быта и, как осуществление лучшего устройства, указывал приложение социальных идей».

Своими беседами с крестьянами Заичневский остался очень доволен. «У них у всех господствует полная уверенность, что земля их», — писал он Аргиропуло.

Приезд Заичневского в Орел и его пропаганда наделали большой переполох. Помещики жаловались на Заичневского его отцу. Брат П. Г. Николай писал Аргиропуло:

«Отец, как и следовало ожидать, ужасно трусил за брата и сделался даже болен. Несмотря на это, брат в деревне продолжает уверять мужиков, что земля их. После этого вы можете представить, сколько беспокойств причинил здесь мирным жителям приезд брата. Пожалуйста напишите, т. е. посоветуйте брату, пожалуйста, обращаться с мирными жителями Орловской губернии с большим тактом».

Аргиропуло исполнил эту просьбу и написал письмо Заичневскому. В этом письме он советовал ему быть осторожнее и говорил, что он «не имеет права бунтовать крестьян, так как это поведет к их гибели только, а не к улучшению их быта». «Проповедывать не значит бунтовать», — писал Аргиропуло.

Однако Заичневский был не таким человеком, на которого могли подействовать советы Аргиропуло и его напоминания об осторожности. Письмо Аргиропуло вызвало горячую отповедь со стороны Заичневского. В ответном письме Заичневский писал:

«Ora é sempre!» [1] — девиз Мадзини и всей «Юной

[1] Везде и всегда.

Италии»[1]. Ora é sempre! — не должен ли быть и нашим девизом? Мы, социалисты, не обязаны ли **везде и всегда** проводить те идеи, которые в настоящее время составляют достояние весьма, весьма немногих людей. Ты говоришь, грек, что мы «обязаны проповедывать», а я прибавлю, что мы обязаны везде и всегда — и перед дворянами в клубах, на дому у них, и перед мужиками, и вообще везде, где есть общество (не тайное, а обыкновенное). Я не стану спорить наедине с человеком, которого я не уважаю, но когда кто-нибудь начинает возражать против истин, составляющих мое достояние, при собрании нескольких зрителей, то я начну спорить, потому что знаю, что эти посторонние зрители симпатизируют ему, что они считают свое мнение непогрешимым, а на прочих людей, увлекающихся различными теориями, смотрят как на погибших и ослепленных. Пора! Настало время показать этим господам, что истина не на их стороне, что скоро, скоро рухнет окончательно [строй], к которому они принадлежат. Они чувствуют хорошо это сами, но как умирающим христианам (в особенности первых веков) грезились страшные картины ада, так им теперь в тумане является новая жизнь, основания которой мало-по-малу выясняются, и жутко им становится и за себя и за детей, воспитанных в их вере. Некоторые колеблются и хочется им пристать к товарищам, да и понять то всего не могут, да и не знают многого, а тут, как пудовые гири, тянут их

---

[1] Джузепие Мадзини (1805—1872)—итальянский революционер, представитель буржуазной демократии, стремившейся к об'единению Италии и превращению ее в самостоятельное, сильное государство. Высланный в 1830 г., Мадзини, поселившись в Швейцарии, основал союз „Молодая Италия", состоявший преимущественно из радикальной интеллигенции.

прежние убеждения. Как же перед этими людьми не говорить, как же перед ними спускать представителям старины, закоснелым собственникам и семьянинам.

«Проповедывать — не значит бунтовать». Это весьма верно, но по отношению к каким проповедям? Ученым. Когда, например, в университете профессор политической экономии Ив. К. Бабст проповедует с кафедры достоверность закона Мальтуса, а Пер. Эм. Аргиропуло, встречаясь с одним из слушателей этого достопочтенного джентльмена, начинает проповедывать о всей безнравственности, противоестественности сего закона, то на это не нужно возмущаться, но представим 1848 год. Л. Блан с кафедры Люксембург проповедует необходимость ограничения конкуренции» [1].

На этом обрывается дошедшая до нас часть ответа Заичневского Аргиропуло. Однако нетрудно сообразить, что говорил в нем далее Заичневский. Он хотел сказать, что спокойные, академические проповеди хороши и уместны в мирное, спокой-

---

[1] Луи Блан (1811—1882)—французский социалист, сторонник государственного регулирования производства и потребления при помощи системы производительных ассоциаций в целях уничтожения конкуренции и имущественного неравенства. Во время революции 1848 г. Луи Блан был членом временного правительства, которое поручило ему председательствовать в особой комиссии по вопросам труда. Комиссия эта помещалась во дворце Люксембург. Работы ее имели исключительно теоретическое значение ввиду того, что временное правительство, отражавшее интересы буржуазии, не имело намерения проводить в жизнь проекты и планы Луи Блана и расценивало люксембургскую комиссию только как средство усыпить революционную активность масс надеждами на реформы, которые будут проведены по инициативе этой комиссии. Луи Блан—типичный представитель социал-соглашательства, не понимал той фальшивой роли, которую он был вынужден играть во временном правительстве.

ное время. В моменты же революционных взрывов, в эпохи обострения общественной борьбы — проповедям нет места. Тут нужен призыв к революционному действию. Такой эпохой был 1848 г. во Франции. Ошибкой Луи Блана было то, что в это время он только преподавал свои теории, а не шел активно бороться за практическое осуществление их. Такой же критической эпохой в истории России являлось, по мнению Заичневского, время, переживавшееся им и его товарищами. Заичневский был глубоко убежден, что Россия находится накануне революционного взрыва, и полагал, что для успешного исхода революционной борьбы необходимо, чтобы каждый революционер, не ограничиваясь мирною проповедью, будил сознание масс и подготавливал их к приближающейся борьбе.

Переписка Аргиропуло с Заичневским (из которой до нас дошло только ответное письмо последнего) представляет очень большой интерес, так как показывает, какие глубокие и серьезные разногласия разделяли авторов писем, несмотря на то, что они руководили одним и тем же кружком и работали рука об руку.

Аргиропуло, — проповедник по натуре, — ограничивал задачу революционера пропагандой социалистических идей. Неукротимый бунтарь Заичневский считал, что задача революционера — не только пропаганда, но и призыв к революционному действию. Но этого мало. Аргиропуло готов был с радостью приветствовать всякую меру правительства, проникнутую либерализмом и смягчающую гнет, лежащий на русском обществе. Заичневский хорошо понимал действительный смысл правительственного либерализма и ни на минуту не увлекался мечтами о благих намерениях Алек-

сандра II. Что это было так, тому мы имели доказательством в воспоминаниях одной современницы А. Можаровой, познакомившейся с Аргиропуло и Заичневским уже тогда, когда оба они сидели под арестом, и часто посещавшей их в 1862 г.

«Аргиропуло, — рассказывает Можарова, — радовался вместе с нами только что народившейся свободе и, весь проникнутый светлыми надеждами, развивал прекрасные картины дальнейших шагов ее по пути прогресса и гуманности во всей русской жизни.

А Заичневский рассказывал об экзекуциях, о расстрелах толпы, об арестах крестьян — «бунтовщиков», о наказании их шпицрутенами и ссылке в каторжную работу. Он читал нам письма из провинции, где крестьяне просили начальство раз'яснить им высочайший манифест, написанный на непонятном для них языке, а начальство в ответ на их просьбу перепороло розгами этих любопытных крестьян».

Заичневский, по свидетельству Можаровой, указывал уже тогда на начинающуюся правительственную реакцию. Когда Аргиропуло радовался предстоящей отмене телесного наказания и введению суда присяжных, Заичневский в ответ на это указывал на то, как жестоко расправляется правительство с добивающимися свободы для своей родины поляками.

Заичневский «крайне недоверчиво и даже злобно относился ко всему, что исходило от правительства, не верил в самые широкие реформы сверху, утверждая, что прочно лишь то, что народ сам возьмет, завоюет себе». Когда Аргиропуло в спорах с Заичневским пытался доказывать, что начатые правительством реформы приведут к ломке

всего существующего порядка, Заичневский указывал на такие факты, как телесные наказания крестьян, арест Н. Г. Чернышевского, и говорил, что одних фактов достаточно для того, чтобы понять, что у правительства нет и не может быть искреннего желания реформировать русскую жизнь.

Вот почему, как ни был привязан Заичневский к Аргиропуло, в его глазах его друг был «легкомысленным идеалистом», неспособным учитывать реальную политическую обстановку. Вот почему в глазах других членов кружка, не разделявших взглядов Заичневского, последний был, — как выразился один из них, Новиков, — человеком «до сумасшествия либеральных мыслей и весьма неосторожным в словах своих и поступках».

В последнем Новиков был прав: в молодости Заичневский действительно осторожностью не отличался. Приведенное нами выше письмо его к Аргиропуло, в котором революционные убеждения Заичневского были выражены совершенно открыто и ясно, было послано им по почте. На почте его перлюстрировали, и жандармская машина начала работать.

15 июня 1861 г. состоялось высочайшее повеление об аресте Заичневского и Аргиропуло, и в тот же день III отделение отправило в Москву жандармского подполковника Житкова. В Москве Житков передал местным жандармам предписание арестовать Аргиропуло, а сам поехал в Орел за Заичневским. В один и тот же день, 22 июня, были арестованы Заичневский в Орле и Аргиропуло в Москве. Обоих отправили в Петербург в III отделение. Найденные у них бумаги дали жандармам возможность привлечь к ответственности еще троих членов их кружка: Новикова, Понятовского и брата Заичневского — Николая.

Таким образом, несмотря на аресты руководителей, кружок их разгромлен полностью не был, а продолжал существовать и по мере возможности поддерживать сношения со своими арестованными вождями.

Для того чтобы полнее охарактеризовать кружок Заичневского и Аргиропуло, необходимо остановиться на его отношении к студенческим волнениям, произошедшим осенью 1861 г., т. е. уже после ареста руководителей кружка.

Как мы упоминали уже, движение началось с Петербурга. Однако, как только в Москве стало известно о волнениях, происходящих в Петербурге, и о том, что 24 сентября петербургский университет был на время закрыт правительством, в Москве начались бурные и многолюдные студенческие сходки. На них обсуждалось создавшееся положение и вырабатывался адрес царю с просьбой отменить опубликованные правила. Составление адреса затягивалось вследствие разногласий, существовавших между студентами относительно его содержания. Между тем в ночь на 12 октября было арестовано несколько студентов, которых московская администрация почему-то считала «зачинщиками беспорядков». Когда об этом узнали собравшиеся на следующий день в университет студенты, они решили итти толпой к дому генерал-губернатора, для того чтобы требовать освобождения арестованных товарищей. Придя туда, студенты выделили делегатов для об'яснений с генерал-губернатором. Пока делегаты добивались доступа к нему, студенты, оставшиеся на площади, были окружены полицией и войсками, зверски избиты и переарестованы.

Это событие заставило студентов поспешить с подачей адреса царю. Выработка его текста была

срочно закончена, и три делегата отвезли его в Петербург и вручили царю через дежурного флигель-ад'ютанта. Конечно обращение студентов к царю осталось безрезультатным.

Для расследования студенческих волнений была создана специальная следственная комиссия, работа которой затянулась; только 6 февраля 1862 г. последовало высочайшее повеление, в силу которого около 40 студентов было исключено из московского университета, а еще несколько человек сослано в отдаленные губернии.

Члены кружка Аргиропуло и Заичневского принимали деятельное участие во всех этих событиях. Так, Покровский был избран одним из делегатов, отвезших студенческий адрес царю. Другой член кружка, Праотцев, 12 октября принимал участие в переговорах с гнерал-губернатором, был тогда же арестован и сослан в Олонецкую губернию. Покровский и Понятовский были избраны кассирами устроенной студентами после 12 октября кассы для вспомоществования арестованным товарищам. Известно также, что из других членов кружка в волнениях принимали участие Новиков, Славутинский и Николай Заичневский.

Члены кружка не могли остаться равнодушными к об'явлению высочайшего повеления 6 февраля. Их особенно волновало то, что студенческая масса осталась совершенно индиферентной к этому событию и мало интересовалась участью своих арестованных товарищей.

Один современник, сблизившийся в это время с кружком, В. Н. Линд, рассказывает в своих воспоминаниях:

«Обсуждая положение вещей, кружок Аргиропуло пришел к тому заключению, что студенчество недостаточно организовано и мало имеет связи с

обществом. Чтобы достичь того и другого, предположено было устроить нечто вроде студенческого клуба, совершенно неофициального, в котором можно было бы собираться, беседовать об общеинтересных вопросах и куда можно было бы приглашать по рекомендации членов и посторонних людей, не студентов. Первый опыт решено было сделать в маленьких размерах. Я предложил помещение в гостинице, где я жил: там было две больших комнаты, и на знакомого мне хозяина можно было положиться, что он не донесет полиции о наших собраниях. В первый раз собралось человек около сорока, установили правило для клуба и выбрали трех старшин: Покровского, Понятовского и меня».

На первом же собрании был поднят вопрос, как надлежит студенчеству реагировать на высочайшее повеление 6 февраля. Предложено было в виде протеста против исключения и высылки товарищей выходить из университета. Это предложение, за которое особенно настойчиво высказался Понятовский, вызвало сильные возражения со стороны других членов кружка, в том числе А. Покровского и Линда, которые находили предложение Понятовского нецелесообразным в политическом отношении, указывая, что «выходом наиболее радикальных и наиболее энергических людей естественно ослаблялось политическое движение в университете и понижался политический уровень всего студенчества, а также на то, что при небольшом числе выходящих из университета, — а на большое число нельзя было рассчитывать, — протест не будет иметь серьезного значения ни для университета, ни для общества.

Обсуждение вопроса о выходе из университета продолжалось в течение нескольких дней. Сторон-

ники его указывали на то политическое значение, которое может иметь предложенная ими мера. «Суть дела, — поясняет Линд, — состояла в том, что вышедшие, об'единенные своими убеждениями, будут вести политическую пропаганду на местах своего жительства: это было одно из первых проявлений столь развившегося впоследствии хождения в народ».

Несомненно, что Понятовский и его товарищи находились под влиянием призыва, выдвинутого Герценом в «Колоколе» после студенческих волнений 1861 г.

«В народ! К народу! — вот ваше место, изгнанники науки», — писал Герцен, обращаясь к студентам, исключенным из университетов.

Мнение Понятовского одержало верх. Большинство членов кружка присоединилось к предложению о выходе.

В университете началась агитация в пользу этой меры. «В аудиториях, — рассказывает реакционно настроенный современник, — поднялся невыносимый гвалт; ничего не помогало. Массы кричали: «все виноваты, исключайте всех, надо протестовать, уходить всем!» и т. д. Толпа перевалила во двор старого университета, в коридорах сделалась давка, начал ходить лист по рукам; подписывались все те, кои желали выйти из университета, так как считали себя виновными не менее исключенных. «Всем уходить, всем», — сделалось лозунгом».

Однако далеко не все студенты были сторонниками выхода; значительная часть их предлагала ограничиться сбором денег в пользу сосланных.

В результате агитации, поднятой кружком, и возбужденных ею споров часть студентов вышла из университета. Однако, как демонстративный

протест, подача прошений о выходе не произвела эффекта. Дело в том, что число подавших прошения было не велико. Насколько известно, вышло из университета не более 30 человек.

Не довольствуясь демонстративным выходом из университета, члены кружка решили отправить в Петербург депутатов для переговоров с министром народного просвещения. Они должны были вручить министру особую записку о причинах своего выхода из университета, написанную Покровским. Были ли приняты депутаты министром и вручили ли они ему свою записку, неизвестно. Зато известно, что, пользуясь своим пребыванием в Петербурге, они установили связь с влиятельным петербургским революционным кружком, группировавшимся вокруг видного участника революционного движения той поры — Николая Утина.

Вскоре после возвращения депутатов в Москву (во второй половине марта 1862 г.) члены кружка начали раз'езжаться из Москвы. Из всех их планов относительно пропаганды в народе ничего не вышло. Одни из уехавших, как например, Покровский и Понятовский, вскоре были арестованы. Другие, как Линд, отошли от участия в революционном движении, отдавшись всецело земской и иной деятельности. Третьи никуда не поехали, а остались в Москве. С ними нам придется еще встретиться в главе о «Молодой России».

Таким образом можно считать, что к концу марта 1862 г. кружок, основанный Заичневским и Аргиропуло, распался.

Осенью 1861 г. (сентябрь, октябрь), когда в московском университете происходили описанные выше волнения, ни Заичневского, ни Аргиропуло не было в Москве: как упомянуто выше, немедленно после ареста они были отправлены в Петербург.

Таким образом они были оторваны от своих товарищей по кружку и лишены возможности хотя бы даже советами и указаниями принять участие в происходящих событиях.

Однако вскоре связь между ними и оставшимися на свободе членами кружка восстановилась. Произошло это следующим образом.

Для расследования дела Заичневского и Аргиропуло была создана специальная комиссия, которая вначале работала в Петербурге, а затем переехала для окончания следствия в Москву. Вслед за ней в первых числах ноября 1861 г. в Москву были перевезены и Заичневский с Аргиропуло. По приезде туда они были помещены в Тверской части. Условия заключения, в которых они находились, были весьма мягкими. Всем желающим повидаться с ними был открыт свободный доступ. Их товарищи по кружку, вскоре узнавшие об их приезде в Москву, воспользовались этим и каждый день ходили навещать арестованных.

«Как это ни странно представить себе теперь, — вспоминал впоследствии Линд, — но место их заключения сделалось настоящим студенческим клубом. Посещать их позволялось можно сказать всем и во всякое время, лишь изредка частный пристав говорил кому-нибудь из приходящих: пожалуйста, господа, не собирайтесь слишком большой компанией и не засиживайтесь долго; я конечно гляжу сквозь пальцы, ну а все-таки может дойти до начальства. — Однако, не доходило это до начальства или оно тоже смотрело сквозь пальцы, но собрания продолжались. Охранявшие камеры солдаты считали повидимому такой порядок обычным и ничему не препятствовали».

То же самое подтверждает в своих воспоминаниях упоминавшаяся выше Можарова. Она сама

вместе с подругами неоднократно посещала Заичневского и Аргиропуло в Тверской части и заставала у них много посетителей, привозивших им не только цветы, вино, фрукты и т. д., но также и прокламации, выходившие в России. Обычно посетители засиживались часов до 9 вечера, а то и позже. Мало этого: Заичневского время от времени выпускали из Тверской части в сопровождении солдат «в баню», а вместо этого он гулял по городу и проводил время со своими друзьями.

Таким образом члены кружка имели полную возможность пользоваться советами своих арестованных руководителей относительно всех дел кружка.

Какую же позицию заняли Заичневский и Аргиропуло во время следствия?

Из всех привлеченных наиболее тяжелые обвинения падали на Заичневского. Ему ставилось в вину не только участие в литографировании и распространении запрещенных сочинений, как его товарищам по следствию, но и публичное произнесение речей «возмутительного содержания»; имелись в виду произнесенные им речи в Москве к полякам и в Подольске к крестьянам.

Заичневский держался на следствии с большой смелостью и не скрывал своих убеждений. Даже в тех случаях, когда он за отсутствием улик мог бы простым отрицанием отвести падавшие на него обвинения, он не запирался. Его пространные об'яснения в III отделении и на следствии дали обширный материал для обвинения.

Заичневский признал, что он придерживается социалистических убеждений, которые развились в нем под влиянием знакомства с произведениями Герцена и западных социалистов. Заичневский говорил на допросе:

«Прежде всего я считаю долгом заметить, что я никогда не отделял участи России от Запада и, говоря о необходимости социального переворота, я основывался в большинстве на фактах, представляемых западными публицистами. Положение мне кажется невыносимым потому, что там господствует один только капитал, что тяжелая физическая работа на фабриках, худо оплачиваемая, едва-едва дает средства содержать себя и уничтожает всякую возможность дать хоть какое-нибудь воспитание детям. Женщины, заваленные работою и во время беременности нередко умирающие с голоду, дети, изувеченные и измученные работою с самых ранних лет и едва доживающие до старости, — все это, мне кажется, делает необходимость социального устройства».

Не менее несправедливым и тяжелым для трудящихся является и общественный строй России. Реформа 19 февраля имеет много недостатков.

«Положения, высочайше утвержденные, — говорил Заичневский, — оставляли в руках помещика более половины земли и образовали огромный класс людей, не имеющих никакой собственности, постоянно развивая которую они могли бы добывать себе пропитание. Этот класс — дворовые люди, не привыкшие к ручной работе и притом совершенно избалованные. Они готовы трудиться на своей земле, они желают пристать к общине, только была бы у них земля, но ее-то положение и не дает. Что же предстоит им, как не голодная смерть или нищенство? И то и другое противоестественно, и то и другое — величайшая несправедливость. Признавая, что владеть землею может только община, мир, я проводил это мнение крестьянам».

Современный строй, основанный на личном, индивидуальном землевладении и личном управле-

нии, должен быть, по мнению Заичневского, заменен строем, покоющимся на землевладении и управлении общинами. Такой строй, по мнению Заичневского, имеет много преимуществ перед современным. Эти преимущества Заичневский усматривал «в зависимости управляющих лиц от всего общества, в их ответственности перед ним. Однако установление общинного строя невозможно без коренного переустройства всего общества. По моим понятиям с вопросом об общине связан вопрос о машинах, наследстве, семье и пр., и введение первого без совершенного преобразования последних невозможно».

Что касается отдельных обвинений, пред'явленных к Заичневскому, то он не отрицал их фактической стороны. В частности он подтвердил факт произнесения речи к крестьянам в Подольске. Он признал, что говорил крестьянам о «несправедливости налагаемой на них платы за землю», а также вообще о «несправедливости личного и потомственного владения землей и, как противоположность этому противоестественному положению, поставил общину». При этом он указывал крестьянам, что только то начальство может вполне знать нужды народа, которое выбирается из среды его самого и действует по программе, данной им.

«Подобные же речи о преимуществах общинного владения перед личным, — говорил Заичневский, — мне случалось нередко говорить в Москве в собраниях студентов и различных лиц. Целью моею было при этом желание, чтобы все остальные лица убедились в преимуществе общинного начала и увидели бы противозаконность современного экономического положения... Я ставил себе задачею распространение мнений, составляющих мое убеждение. Высказывать их я всегда высказы-

вал, когда представлялся к тому случай, и потому на вопросы крестьян, делаемые мне, отвечал точно так же, как и в собрании студентов».

Не отрицал Заичневский и того, что он говорил крестьянам о «безрассудстве возмущения без оружия» и указывал на то, что «для успеха возмущения нужно оружие, а оно — в городах». Но «это были, — говорил на допросе Заичневский, — скорее уроки им из географии, показывающие, в каких местах находятся арсеналы и склады оружия, чем советы и наставления к возмущению».

Сознался Заичневский и в произнесенной речи с паперти католической церкви в Москве.

Аргиропуло держался на следствии иначе, чем Заичневский. Он старался по возможности отрицать пред'явленные к нему обвинения и лишь поставленный в безвыходное положение признавал невыгодные для него факты, например, приобретение типографского станка, в чем он на первых порах решительно запирался. Что касается литографирования запрещенных сочинений, то целью его, по об'яснению Аргиропуло, было исключительно доставление денежной помощи бедным студентам. На вопросы о том, кто, кроме него, участвовал в распространении запрещенных сочинений и кто покупал их, Аргиропуло отвечать отказался, заявив, что он «считает это несогласным со своею совестью».

Другие члены кружка, привлеченные к следствию, тоже держались на допросах стойко и, отрицая пред'явленные им обвинения, не дали следователям никакого нового материала для обвинения.

В декабре 1861 г. следствие было закончено, и дело поступило на рассмотрение шестого департамента Сената, находившегося в то время в Москве.

Сенат передопросил всех обвиняемых, собрал дополнительные справки по делу, но все это не дало никаких новых существенных данных относительно подсудимых.

Заичневский и его товарищи продолжали держаться в Сенате с таким же достоинством, с каким они держались на следствии.

Интересно отметить, какое сильное впечатление произвела личность Заичневского на одного из судивших его сенаторов, известного писателя В. Ф. Одоевского. В своем дневнике под 6 июня 1862 г. он отметил:

«В Сенате. — Замечательная личность Петра Заичневского, принадлежащего к так называемым исповедникам социализма, — слово, которого значение весьма для них смутно, но за которое они тем не менее готовы итти в мученики и чего именно добивается Заичневский, стараясь не уменьшить, а преувеличить свои действия».

Сенат отнесся к подсудимым довольно мягко. Он признал, что политической цели распространение запрещенных сочинений не имело; цель была одна — выручка денег «в том предположении, что сочинения эти, как запрещенные, могли расходиться в продаже в большом количестве и тем действительно представлять средства к вспомоществованию бедным студентам».

Что касается Заичневского, то он был признан виновным в произнесении речей, направленных, «если не прямым, то косвенным образом к ниспровержению существующего у нас образа правления» и «против верховной власти», а также в литографировании и распространении запрещенных сочинений, и приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на 2 года и 8 ме-

сяцев с последующим поселением в Сибири навсегда.

Аргиропуло, признанный виновным в распространении запрещенной литературы, был приговорен к заключению в смирительном доме на 2 с половиною года.

Остальные члены кружка или отделались маленькими наказаниями, или даже были оправданы.

Затем по заведенному порядку приговор Сената пошел на утверждение сперва в Государственный совет, а затем — к царю. Александр II, утверждая приговор, ограничил срок каторжных работ Заичневскому одним годом, а Аргиропуло заключение в смирительном доме — также одним годом.

Оставалось разыграть последний акт судебного процесса — об'явление приговора подсудимым. Но эта процедура затянулась. Дело в том, что в то время в Москве находился царь со своим двором. Он пробыл тут более месяца, проводя все это время в различных торжествах и празднествах. Публичное об'явление приговора подсудимым, среди которых были столь популярные среди московского студенчества люди, как Заичневский и Аргиропуло, могло вызвать неприятные для властей демонстрации и этим «омрачить» пребывание самодержца в его первопрестольной столице. Время было тревожное. Одна за другой появлялись все новые и новые прокламации. «Освобожденные» крестьяне продолжали волноваться в разных местах России. Ввиду всего этого было решено отложить об'явление приговора «впредь до от'езда их величества из Москвы».

Аргиропуло не дождался этого времени. Его здоровье, надорванное перенесенным перед тем тифом, не выдержало «смрода, грязи и гадости тюремного заключения», и 18 декабря 1862 г. он

скончался. Лечивший его в полицейской больнице врач советовал ему перед смертью причаститься, но он отказался, говоря, что «и без того издохнет». Тело Аргиропуло было тайком похоронено на Миусском кладбище: боялись, что студенты во время похорон устроят какую-нибудь демонстрацию.

Наконец царь уехал из Москвы. На 2 января 1863 г. было назначено об'явление приговора. Товарищи Заичневского по университету хотели воспользоваться этим случаем, чтобы повидаться с ним, может быть в последний раз. Однако полиция не пустила их дальше прихожей Сената. Во время об'явления приговора «подсудимые держали себя чинно и никакого беспорядка не произвели».

Носились слухи, что студенты хотят устроить демонстрацию во время отправки Заичневского в Сибирь. Чтобы избежать этого, администрация тщательно скрывала от всех — и от самого Заичневского в том числе — время отправки.

10 января Заичневского на почтовых в сопровождении двух жандармов отправили в Сибирь.

Дальний путь в суровую страну предстоял Заичневскому, но он не унывал. Годичный срок его каторги казался ему небольшим. К тому же он глубоко был уверен в близости победоносной русской революции, которая откроет ему возможность вернуться в Европейскую Россию. Утешало его и то, что его главное «преступление» осталось неизвестным судьям. Заичневский сознавал, что, знай судьи об этом «преступлении», они назначили бы ему гораздо более тяжелое наказание, чем то, которое он имел теперь. Этим «преступлением» было составление знаменитой прокламации «Молодая Россия».

К истории этой прокламации мы и обратимся теперь, но для этого нам необходимо будет возвратиться к тому времени, когда Заичневский в ожидании суда сидел еще в заключении в Тверской части, — к апрелю-маю 1862 г.

«Молодая Россия»

Кем была написана и издана прокламация «Молодая Россия», правительству не удалось выяснить. Однако в настоящее время авторство Заичневского стоит вне сомнений: мы располагаем его собственным свидетельством на этот счет. В письме к одному своему знакомому, написанном много лет спустя после издания «Молодой России», Заичневский сообщал:

«Молодую Россию» писали я и мои товарищи по заключению. Припомнить долю участия каждого не берусь — написал аз многогрешный, прочел, выправили общими силами, прогладили и отправили для напечатания через часового». Из товарищей своих, принимавших участие в составлении прокламации, Заичневский называет только одного — И. И. Гольц-Миллера, в то время студента московского университета, привлекавшегося по тому же процессу, что и Заичневский, а впоследствии небезызвестного поэта, сотрудника радикальных и либеральных журналов («Современника», «Русского Слова», «Вестника Европы» и др.). Насколько удалось вспомнить Заичневскому, когда он писал письмо, по инициативе Гольц-Миллера в прокламацию был включен пункт об уничтожении брака и семьи. Предложение это понравилось составителям прокламации «как излишняя порция пороха,

которого искали тогда и хотели нагромоздить столько, чтобы всем либеральным и реакционным чертям стало тошно. Хотелось наконец сказать ту правду, которую кто боялся, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть. Фальшивили, врали, ожидали блага сверху; так было противно, так было гнусно, что если бы не мы, то за нами то же самое сделали другие».

Как видно из этого, Заичневский и его товарищи хотели произвести своей прокламацией возможно более сильное впечатление на общество, — напугать всех «либеральных и реакционных чертей». Этим очевидно об'ясняется та мистификация, к которой они прибегали, издав свою прокламацию от имени несуществовавшего Центрального революционного комитета.

В письме Заичневского имеется одна существенная неточность. Заичневский говорит об участии в составлении «Молодой России» своих «товарищей по заключению». Между тем в то время, когда составлялась прокламация, никого из сопроцессников Заичневского в заключении уже не было, кроме одного только Аргиропуло. Однако последний не мог принимать участия в составлении «Молодой России». Мы познакомились уже выше со взглядами Аргиропуло и с теми разногласиями, которые существовали между ним и Заичневским, и для нас должно быть совершенно ясным, что Аргиропуло не разделял тех мыслей, которые были развиты в «Молодой России». Мирный пропагандист социалистических идей, Аргиропуло не мог участвовать в составлении прокламации, призывающей к восстанию.

К тому же в то время, когда составлялась «Молодая Россия», Аргиропуло был тяжело болен тифом, вследствие чего доступ к нему посетителей

был прекращен, и Аргиропуло оказался отрезанным от своих товарищей.

Таким образом очевидно, что Заичневский упомянул о своих «товарищах по заключению» по ошибке. Надо думать, что текст прокламации он обсуждал с теми своими друзьями, которые посещали его в заключении.

Мы уже говорили выше, что ко второй половине марта 1862 г. кружок, группировавшийся ранее вокруг Заичневского и Аргиропуло, распался. Однако часть его членов осталась в Москве и продолжала поддерживать сношения с арестованными руководителями кружка. К этому времени оставшиеся в Москве члены кружка успели сблизиться с некоторыми товарищами по университету, не принадлежавшими ранее к их кружку. В числе их были студенты, привлекавшиеся по тому же процессу, что и Заичневский, но по самостоятельному обвинению, а также те, которые сошлись с членами первоначального кружка во время студенческих волнений и последующей за ними агитации в пользу выхода из университета.

Эти-то лица и оказали Заичневскому помощь в издании «Молодой России».

Мы знаем уже, что в распоряжении членов кружка был печатный станок, приобретенный незадолго до ареста Аргиропуло и Заичневского. Чтобы законспирировать печатание прокламации, было решено производить его вне Москвы, — в Рязанской губернии, в имении бывшего студента Павла Коробьина, принимавшего деятельное участие в студенческих волнениях 1861 г. и исключенного за это из университета. Туда был перевезен печатный станок. Чтобы отпечатать прокламацию, в имение Коробьина поехал упоминавшийся выше Петровский-Ильенко, знакомый с типографским

делом по работе своей в типографии «Московских Ведомостей». К числу членов первоначального кружка он не принадлежал и, хотя и привлекался по тому же делу, что и Заичневский, но по совершенно самостоятельному обвинению — за устройство нелегальной типографии и напечатание в ней книжки Огарева «Разбор сочинения Корфа» Очевидно за время следствия он успел сблизиться с членами кружка Заичневского.

По напечатании «Молодой России» она была привезена в Москву. Чтобы сбить жандармов с толку, было решено начать распространение ее не в Москве, а в Петербурге. Один из членов кружка, захватив с собою некоторое количество прокламаций, отправился в Петербург и начал там рассылать ее по почте в разные концы России. Это было около середины мая 1862 г.: первые экземпляры «Молодой России» попали в руки властей 14 мая.

В каком количестве экземпляров была распространена « Молодая Россия», неизвестно, но повидимому количество это было довольно значительным. Ее находили и в Петербурге, и в Москве, и в провинции. Довольно часто она попадалась в руки жандармов и при обысках, производившихся у лиц, привлекавшихся по политическим делам.

Что же представляла собою эта прокламация, каково было ее содержание и чем отличалась она от других прокламаций, распространявшихся в то время? — Отвечая на эти вопросы, мы ознакомимся подробно с социально-политическими взглядами Заичневского, с его идеологией и тактикой.

Центральный революционный комитет, от имени которого была издана «Молодая Россия», считал нужным отмежеваться от других революционных изданий того времени.

Что касается Герцена, то «Молодая Россия» прямо заявляет, что его «Колокол» «не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их». Несмотря на все свое глубокое уважение к Герцену, как к публицисту, оказавшему большое влияние на развитие русского общества и принесшему России громадную пользу, составители «Молодой России» обвиняли его в том, что он испугался революции 1848 г., оказавшейся неудачной, и после этого потерял всякую веру в насильственные перевороты. Разочарование Герцена в революционных путях сказалось, по их мнению, и на содержании его «Колокола».

«Колокол», — пишут они, — встреченный живым приветом всей мыслящей России, как первый свободный орган, вскоре становится загадкою для людей действительно революционных. Где же разбор современного политического и общественного быта России, где проведение тех принципов, на которых должно построиться новое общество? Проходит еще год, и «Колокол», оказывая влияние на правительство, становится уже совсем конституционным. Увлечение им молодежи уменьшается, революционная партия ищет другого органа и, если он читается, то этому способствует еще прежняя слава Герцена, Герцена, приветствовавшего революцию, Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена [1] и Луи Блана в непоследовательности, в том,

---

[1] Ледрю-Роллен (1807—1874)—французский политический деятель, буржуазный демократ. Вместе с Луи Бланом Ледрю-Роллен входил в состав временного правительства, образованного во Франции после революции 1848 г. В составе этого правительства, в котором большинство принадлежало более умеренным элементам, Ледрю-Роллен и Луи Блан играли довольно жалкую роль.

что они, имея возможность, не захватили диктатуры в свои руки, не повели Францию по пути кровавых реформ для доставления торжества рабочим.

Конституционные иллюзии Герцена, его надежды на возможность получить уступки из рук царя, «его совершенное незнание современного положения России, надежда на мирный переворот, его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно что-нибудь сделать», — все это окончательно уронило, по мнению авторов «Молодой России», герценовский журнал в глазах революционной партии.

Не менее резко «Молодая Россия» отмежевывается от вышедших летом и осенью 1861 г. трех листков «Великорусса». Авторы прокламации считают нужным указать на «ошибочность и отсталость его мнений» и на «радикальную противоположность» их с мнениями самой «Молодой России». Заичневский и его товарищи не могли разделять надежды «Великорусса» на то, что правительство пойдет на уступки, введет в России конституционное устройство и осуществит ряд других реформ. Интересно, что, говоря о «Великоруссе», они сумели очень точно определить классовую природу этого воззвания. Признавая, что «успех «Великорусса» был громадный», они об'ясняли это тем, что программа «Великорусса» вполне совпадала с «желаниями нашего либерального общества, т. е. массы помещиков, стремящихся хоть чем-нибудь нагадить правительству и опасающихся в то же время даже тени революции, кучки бездарных литераторов, сданных за ветхостью в архив, а во времена Николая считавшихся за прогрессистов». Однако «Великорусс» не мог составить вокруг себя партии: «его читали, о нем говорили, да и только».

О других русских журналах, выходивших в то время за границей, и о других прокламациях, выпущенных в России, авторы «Молодой России» не находили нужным говорить, так как в их глазах все это было «пустое, ничего не значущее и ни к чему не ведущее либеральничанье».

Итак, Заичневский и его товарищи не видели для России их времени иного исхода, кроме революции. Вся их прокламация пропитана горячим убеждением в том, что социальная революция близка и неизбежна. «Россия вступает в революционный период своего существования». Этими словами начинается «Молодая Россия».

Ее авторы не боятся грядущей революции, хотя и знают, что она не может не быть кровопролитной и жестокой.

«Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, революция кровавая, неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что погибнут может быть и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная!».

Почему же авторы «Молодой России» считают революцию неизбежным исходом?

Другие революционеры того времени, верившие в близость революции, считали, что она произойдет в результате неправильного разрешения крестьянского вопроса реформой 19 февраля 1861 г. Так например, Шелгунов в своей прокламации «К мо-

лодому поколению» указывал на то, что правительство обмануло ожидания народа, дав ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна. Эта реформа показала всем, что правительство «никуда не годится». «Мы не знаем ни одного сословия в России, — писал Шелгунов, — которое не было бы оскорблено императорскою властью. Обижены все... Момент освобождения велик потому, что им посажено первое звено всеобщего неудовольствия правительством».

Итак, неудачный исход крестьянской реформы возбудил недовольство всех сословий императорскою властью, потерявшей в лице помещиков, возмущенных отменою крепостного права, единственную опору, которую она до того времени имела. Вот то, что, по мнению Шелгунова, делает неизбежной революцию в России. «Молодая Россия» ставит вопрос гораздо глубже. Для нее «дурацкие положения 19 февраля» не составляют основной причины современного политического и общественного кризиса, а являются только одним из показателей этого кризиса. Дело — не в той форме, в которой было осуществлено освобождение крестьян, а в общем характере общественного строя России, в тех принципах, на которых этот строй основан. Заичневский не разделяет того мнения, что все сословия «обижены» правительством. Он понимает, что у правительства найдутся защитники. «Проследите жизнь всех сословий, — пишет он, — и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые следовательно стоят враждебно одна другой».

Одна из этих частей — «народ»; другую «Молодая Россия» называет — «императорской партией».

«Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, — народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность — землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое фрейлинам-любовницам, на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа»...

Это — снизу, а что же сверху?

«Сверху стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это — помещики, предки которых или они сами были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу; это — потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке; это — купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это — чиновники, накравшие себе состояние; — одним словом, все, все имущие, в с е, у к о г о е с т ь с о б с т в е н н о с т ь, родовая или благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один, — уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и з в е н о с о е д и н е н и я — с о б с т в е н н о с т ь. Она понимает, что всякое народное революционное движение направлено против собственности и потому в минуту восстания окружит своего единственного представителя — царя. Это — партия императорская».

«Между этими двумя партиями, — пишут далее авторы «Молодой России», — издавна идет спор, спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику русскую, с Пугачевым — за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х гг., за их притеснения; она встанет с благородным Антоном Петровым и против всей императорской партии».

Таким образом оппозиция помещиков, их либеральничанье не обманули Заичневского. Он понимал их действительный смысл. Понимал и то, что помещики, как «сословие» (как класс, сказали бы мы), заинтересованы в укреплении императорской власти, а не в уничтожении ее.

Заичневский сознавал, что противоречие интересов «народа» и «императорской партии» основано на существовании частной собственности и неустранимо без уничтожения ее. «Молодая Россия» прямо говорит, что отмеченный ею антагонизм партий «не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие владеющие капиталом являются распорядителями участи остальных».

На собственности основан существующий общественный порядок с его «невыносимым общественным гнетом, убивающим все лучшие способности современного человека».

В современном обществе, — говорит «Молодая Россия», — «все ложно, все нелепо — от религии, заставляющей веровать в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения — бога, и до

семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики, от узаконения торговли, — этого организованного воровства, — и до признания за разумное положения работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, лишенной всех политических прав и поставленной наравне с животными».

Все эти аномалии общественного строя делают революцию, долженствующую радикально изменить все основы общества, неизбежной.

Так обосновывает свою веру в революцию «Молодая Россия». Но тут возникает следующий вопрос: Та характеристика современного общественного строя, которую дает «Молодая Россия», не содержит в себе никаких указаний на специфически русские условия. Все сказанное авторами этой прокламации приложимо в равной степени как к России, так и к западно-европейским странам: ведь и они построены на эксплоатации труда капиталом; ведь и в них имущие господствуют над неимущими. Но раз так, то чем же обусловливается вера авторов прокламации в то, что России, говоря их словами, «вышло на долю п е р в о й осуществить великое дело социализма»? Где основание для их уверенности в том, что Россия ближе других стран стоит к революции?

Ответ на этот вопрос Заичневский и его товарищи ищут во внутреннем положении России их времени.

«Революции все способствует в настоящее время, — пишут они: — волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весной 1863 г., когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами; а тут еще носятся

слухи о новой войне; поговаривают, что государь поздравил с нею гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода».

Однако все эти обстоятельства, отмеченные авторами «Молодой России», лишь ускоряют, по их мнению, приближение кризиса; причины же, вызывающие кризис, лежат глубже. Их, как мы видели уже, «Молодая Россия» находит в самых основаниях современного общественного порядка. Вот почему выход из переживаемого кризиса эта прокламация видит в коренном переустройстве всего общества, а не в каких-либо отдельных реформах, оставляющих в неприкосновенности принципы современного общества.

Чтобы убедиться в этом, остановимся на тех программных требованиях, которые выдвигаются «Молодой Россией».

Начнем с требований, имеющих политический характер.

Авторы «Молодой России» — убежденные республиканцы, не желающие помириться на конституции, какой бы широкой и либеральной она ни была.

«Да здравствует социальная и демократическая республика русская!»—восклицают они в заключение своей прокламации.

Дом Романовых не только должен быть лишен власти, но и подвергнуться поголовному истреблению. «О Романовых — с теми расчет другой! Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!».

Авторы «Молодой России» считают террор лучшим средством обезопасить победившую революцию от всяких контрреволюционных попыток. Этому их научила история.

«Мы изучали историю Запада, — пишут они, — и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х гг.».

Будущий политический строй России рисуется Заичневскому и его товарищам, как федеративный союз областей. Не только за каждой национальностью, но и за каждою областью признают они право на самоопределение и самоуправление.

«Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос».

Национальное собрание должно состоять из выборных от всего союза областей, а Областные — из представителей каждой области. Национальное собрание решает все вопросы внешней политики, разбирает споры областей между собою, вотирует законы, наблюдает за исполнением их, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога и распределяет ее между областями.

Областные собрания «решают дела, касающиеся одной только той области, в главном городе которой они собираются». Они же распределяют

сумму налога, падающего на данную область, между отдельными общинами, ее составляющими.

Области состоят из общин, пользующихся широким правом самоуправления. Им предоставляется право суда над своими членами. Они в полном собрании своих членов определяют размеры подати, причитающейся с каждого члена.

Каждой области предоставляется право по большинству голосов решить вопрос о том, желает ли она войти в состав федеративной республики или же нет. Что касается Польши и Литвы, то они получают полную самостоятельность: авторы «Молодой России» считают, что эти области уже достаточно ясно заявили о своем нежелании оставаться соединенными с Россией.

Общины, о которых говорилось выше, являются не только административными, но и хозяйственными единицами. Всякий гражданин обязан приписаться к той или другой из общин. Члены общин пользуются равными правами. Каждый из них получает определенное количество земли, от которой он однако может, если захочет, отказаться. Свой участок он имеет право сдавать в наем. Участок отводится на известное количество лет, по истечении которого производится передел всей земли. Членам общины принадлежит право жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом. Они должны только вносить за себя подать в установленном общиною размере. Имущество членов общины неприкосновенно в течение их жизни, а после их смерти становится достоянием общины.

«Молодая Россия» предусматривает далее учреждение общественных фабрик, управляемых выборными от общества, и общественных лавок, продающих товары по действительной их стоимости,

а не по той цене, «которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обращения».

Так рисуется в прокламации Заичневского экономический строй будущего общества. Конечно не все тут достаточно ясно. Так например, не ясно, как и на каких основаниях предполагается устройство общественных фабрик и лавок и кто выступает в качестве организаторов их: общины ли или же специально образуемые для этого кооперативные общества. Может быть эта неясность об'ясняется тем, что авторы прокламации имели в виду только наметить «главные основания, на которых должно построиться новое общество», и более подробные и детальные указания на этот счет рассчитывали дать в следующих выпусках «Молодой России», издать которые им не удалось.

Устройство общественных предприятий повидимому не исключает существования предприятий частновладельческих. В пользу этого предположения говорит упоминание авторами «Молодой России» о свободе занятий ремеслами.

Что касается земельных участков, то они поступают в индивидуальное владение членов общины. При таких условиях имущественное неравенство между членами общины полностью не уничтожается. Этим об'ясняется, почему мы находим в «Молодой России» требование относительно того, чтобы налог «падал всею тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых».

Ряд требований, выдвинутых «Молодой Россией», относится к преобразованию общественного быта.

В этом отношении прокламация Заичневского предусматривала:

1) полное освобождение женщин и дарование им политического и гражданского равноправия с мужчинами;

2) уничтожение брака, «как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов»;

3) уничтожение семьи, существование которой, по мнению авторов прокламации, препятствует развитию человека;

4) общественное воспитание детей и содержание их за счет общества;

5) содержание за счет общества больных, стариков и инвалидов;

6) уничтожение «главного притона разврата — монастырей, мужских и женских, тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди, ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате»;

7) секуляризацию церковных и монастырских имуществ и обращение их на уплату внутренних и внешних государственных займов.

Наконец, что касается армии, то «Молодая Россия» проектирует увеличение в больших размерах жалования войску и уменьшение срока службы солдат, а также постепенную замену постоянной армии национальной гвардией.

Такова была программа преобразований, выдвинутая «Молодой Россией» и делавшая ее явлением совершенно исключительным среди революционных прокламаций того времени.

Какие же общественные силы должны были, по мнению авторов «Молодой России», осуществить эти преобразования? Кому они отводили активную роль в грядущей революции?

«На кого же мы надеемся, где те элементы, сруппировать которые мы хотим, кто на нашей стороне? — читаем мы в «Молодой России». — Мы надеемся на народ: он будет с нами, в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов. Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива его, а войску и нашей молодежи».

Авторы прокламации надеются, что войска поймут ту «презренную роль, которую они играли и теперь еще играют, убивая своих братьев поляков и крестьян, повинуясь беспрекословно всем распоряжениям государя», и вспомнят «свои славные действия в 1825 г.».

«Но, — продолжают авторы «Молодой России», — наша главная надежда на молодежь... Она заключает в себе все лучшее России, все живое, все, что станет на стороне движения, все, что готово пожертвовать собой для блага народа».

С призывом к этой молодежи и обращаются авторы «Молодой России»:

«Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главе движения, что на тебя надеется революционная партия! Будь же готова к своей славной деятельности, смотри, чтобы тебя не застали врасплох! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный революционный комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте побольше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей,

действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться».

Крайне интересно и важно отметить, что «Молодая Россия» ни слова не говорит о необходимости для молодежи вести пропаганду в народе. В этом — одно из расхождений ее с прокламацией Шелгунова «К молодому поколению», которая отводит пропаганде очень важное место. Обращаясь к «молодому поколению», ко всем честным людям, которые составляют народную партию, Шелгунов приглашает их говорить чаще с народом и солдатами, об'яснять им, чего добиваются революционеры, и подготавливать их к близкой революции. «Если каждый из вас, — говорит Шелгунов, — убедит только десять человек, наше дело и в один год подвинется далеко».

Заичневский молчит о пропаганде, потому что не придает ей особенного значения. Он считает, что народ и без пропаганды революционеров достаточно подготовлен к революции в силу того тяжелого экономического положения, в котором он находится. Гораздо большее значение, чем пропаганде, Заичневский придает созданию конспиративных организаций и подготовке активного вооруженного выступления против «императорской партии» в целях захвата государственной власти.

Молодежь должна выступить, когда ее призовет к этому революционная партия.

«Скоро, скоро наступит день, — пишет Заичневский, — когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика русская! — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением импера-тор-

ской фамилии, т. е. какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться, — и это последнее вернее, — что вся императорская партия, как один человек, станет за государя, потому что здесь будет итти вопрос о том, существовать ей самой или нет. В этом последнем случае с полной верой в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «в топоры!» — и тогда... тогда бейте императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам. Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами».

Таким образом революционной молодежи и руководящей ею революционной организации авторами «Молодой России» отводится первенствующая роль в революции. От них исходит инициатива восстания, из их среды выдвигаются вожаки народа, они возглавляют движение и руководят им. Напротив, народ в перевороте играет главным образом пассивную роль. Для победы революции важно не столько непосредственное участие в ней народных масс, сколько их сочувствие революционерам. Возможно, что выступления масс для успеха переворота вообще не потребуется: это — в том случае, если захват дворца и истребление всех живущих в нем приведут к успешному завершению переворота.

Та постановка вопроса о роли интеллигентного меньшинства в перевороте, какую дает Заичневский в «Молодой России», и его взгляд на пере-

ворот, как на захват власти революционной организацией, показывают, что политические воззрения Заичневского носили бланкистский характер. Бланки, подобно Заичневскому, представлял себе революцию, как захват власти революционным меньшинством при поддержке восставших масс. Но Бланки не довольствовался этим; он говорил, что революционеры, после того как им удастся захватить власть в свои руки, должны установить диктатуру революционной партии для того, чтобы, опираясь на аппарат государственной власти, провести в жизнь свою программу социальных преобразований. Точно так же смотрел на задачи революционной партии и Заичневский.

Этому, на первый взгляд, противоречит то превращение России в федеративную республику, о котором, как мы уже знаем, говорилось в «Молодой России». Однако по программе Заичневского федерализм осуществляется далеко не сразу после переворота. Ему предшествует период диктатуры революционной партии.

«Без сомнения мы знаем, — писали авторы «Молодой России», — что такое положение нашей программы, как федерация областей, не может быть приведено в исполнение тотчас же. Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Нацио-

нальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы)».

«К чему приводит невмешательство революционного правительства в выборы, — добавляют авторы «Молодой России», поясняя свою мысль, — доказывает прошлое французское собрание 48 года, погубившее республику и приведшее Францию к необходимости выбора Луи Наполеона в императоры».

Таким образом не федерация является непосредственным результатом переворота, а диктатура революционной партии, захватившей в свои руки современный централизованный государственный аппарат и проводящей при его помощи в жизнь программу социальной революции.

Но этого мало: самый федерализм авторов «Молодой России» имеет своеобразный характер и резко отличается от того, что обычно принято подразумевать под понятием федерализма.

Выше уже было сказано о тех правах, которыми пользуется Национальное собрание, с одной стороны, и областное, с другой. Мы видели, что законодательство и назначение налога относятся всецело к компетенции Национального собрания. Мало этого, центральная власть, в лице того же Национального собрания, назначает управителей по областям. Что же остается на долю областных собраний? Только одно: решение дел, имеющих местный характер, областное значение, — в том числе распределение налога между общинами.

Из этого видно, что авторы «Молодой России» наделяли центральную власть такими широкими

полномочиями и так суживали пределы компетенции властей областных, что о федерализме в полном смысле этого слова не может быть и речи. Это правильнее называть не федерализмом, а более или менее широким местным самоуправлением, отнюдь не исключающим централизации государственной власти.

Таким образом Заичневский вполне разделял идею Бланки о диктатуре революционной партии в целях осуществления общественного переустройства. Недаром, по свидетельству М. П. Голубевой и других его современников, он сам называл себя «якобинцем-бланкистом».

Прокламация Заичневского появилась, как мы уже говорили, в середине 1862 г. Впечатление, произведенное ею на общество, было весьма большое. Этому способствовало не только содержание прокламации, но и одно случайное совпадение. Дело в том, что в середине же мая в Петербурге началась пожарная эпидемия, продолжавшаяся в течение 2 недель. То там, то здесь в разных концах столицы вспыхивали пожары. Грандиозный характер они приняли 28—30 мая, когда дотла выгорели Апраксин и Щукин дворы с тысячами лавок и прилегающая к этим дворам местность. Уничтожения, произведенные огнем, оставили сотни обездоленных семей — главным образом мелких торговцев, имевших лавки и магазины в Апраксином дворе.

С самого начала пожаров среди обывателей начали ходить темные слухи о том, что пожары эти — дело рук каких-то поджигателей. Одни винили в поджогах поляков, другие — дворян, недовольных отменою крепостного права, третьи — и таковых было большинство — студентов-революционеров. Распространители слухов о том, что

поджоги исходят из революционной среды, ссылались в доказательство этого на только-что вышедшую и получившую широкое распространение «Молодую Россию» с ее призывом уничтожить современный общественный строй так, чтобы от него камня на камне не осталось. Студенты производят поджоги для того, чтобы «создать пролетариат», обездолив народ, ожесточить его, — такова была формула, выработанная обывательской массой, обезумевшей от ужаса перед огненной стихией.

Студентам стало небезопасным показываться на улицах. Неоднократно происходили нападения на них озверелой толпы и избиения.

Слухи о студентах-поджигателях проникли в печать. Субсидировавшаяся правительством московская газета «Наше время» открыто заявляла: «Не подлежит сомнению, что пожары происходят вследствие заранее обдуманного плана».

В России первой половины XIX века, — да и позднее, — грандиозные опустошительные пожары повторялись настолько часто, что принимали характер «бытового явления».

«Да когда же в России что-нибудь не горело?» — резонно спрашивал в «Колоколе» Герцен, пораженный значением, приданным петербургским пожарам. Не менее часто при пожарах возникали слухи о поджогах; в них обычно винили разных «врагов» России: то поляков, то англичан и т. п. Но никогда ни один пожар, как бы грандиозен он ни был, не имел того политического значения, какое было придано петербургским пожарам 1862 г.

Это об'ясняется совпадением этих пожаров с появлением небывалой прокламации, призывающей к кровавой революции.

В первый же день, когда загорелись Апраксин и Щукин дворы, по Петербургу разнесся слух, что на улицах, поблизости от горевших рынков, происходит бунт и что там даже стреляют из пушек. Нелепость этого слуха скоро стала для всех ясной. Бунта не было. Однако ожидание его и страх перед его близостью остались. Тревога, овладевшая населением Петербурга, и по окончании пожаров улеглась не сразу.

«Тяжелое время! — писал в начале июня 1862 г. один из представителей высшего петербургского духовенства своему знакомому. — Воззвания дерзкие и безбожные распространяются. О спасении от бедствий у нас ежедневно служат молебствия (по высочайшему повелению) по всем церквам. В городе страх и смятение; но вот три дня все тихо, и пожаров нет, хотя всякий домохозяин боится за себя».

«Над Петербургом, — вспоминает один современник, — не одно облако дыма стояло, а более тяжелое облако страха перед неизвестностью. Конечно у такого страха глаза велики, но почти целый месяц столица была как бы в осаде».

Страх перед революцией проник и в царский дворец. Осенью 1862 г. императрица, приехавшая в Москву, признавалась, что там она впервые за долгое время провела ночь спокойно.

Тревожное настроение охватило не один только Петербург, но и всю страну. Один современник пишет: «Уезжая из Петербурга после майских пожаров, с каким наслаждением, наполнявшим меня всего, смотрел я, как скрывался из глаз этот город. И наконец пропал вдали. Жадно, до насущной потребности, хотелось скорее забыть все виденное и слышанное за последнее время, зажить хотя бы мелочами иной жизни, только бы имею-

щей поменьше общего с вавилонским столпотворением, начавшимся среди образованного общества... Но увы! Мне еще долго суждено было видеть перед глазами непонятный, но ненавистный призрак петербургских пожаров». И далее он сообщает, что слухи о петербургских событиях взволновали деревню «до последней избы, до бездомного бобыля»; среди крестьян шли тревожные разговоры о том, что в Питере «бары бунтуют», что помещики и чиновники нанимают «жигарей» (поджигателей) и рассылают по разным местам. (С. Челищев. Крестьянское волнение по поводу слухов о «жигарях», «Библиотека для чтения», 1863 г. № 1).

Правительство со своей стороны делало все, чтобы увеличить тревогу и убедить население в том, что слухи о поджигателях имеют за собой реальное основание. Характерно, что министр внутренних дел Валуев, к которому министр просвещения обратился с просьбою опровергнуть слухи о причастности студентов к пожарам, категорически отказался сделать это. Статьи, в которых оспаривались нелепые обвинения, взведенные на студентов, запрещались цензурой.

Так была задержана статья Достоевского, который, касаясь обывательских слухов и сплетен, писал:

«Недавно вышла возмутительная прокламация и, как все потаенное и запрещенное, прочитана с жадностью. По крайней мере мы не встречали еще никого, кто не читал бы ее. Излишне было бы говорить, что она возбудила отвращение. Вот и говорят, что люди, напечатавшие «Молодую Россию», способны на все, что они не остановятся ни перед какими средствами, что поджоги — первые симптомы их деятельности. Положим так, хотя

они в этом случае очутились бы в положении человека, желающего гладить своего друга по голове железной рукавицей, утыканной гвоздями. Но доказано ли, во-первых, что люди, производящие поджоги, — в связи с «Молодой Россией»... доказано ли — и это самое главное — то особенно важное обстоятельство, что настоящее наше молодое поколение — и именно студенты — солидарно с «Молодой Россиеи»... Где эти факты, раскрытые следствием, которые ясно доказали бы действительную солидарность студентов с подобными явлениями».

Правительство было заинтересовано в том, чтобы нелепые слухи о поджигателях распространялись как можно шире. В тревоге и ужасе, обуявших население, оно рассчитывало найти опору своей реакционной политики. Тогдашний директор департамента полиции открыто признавался впоследствии в том, что он с министром внутренних дел Валуевым решили воспользоваться петербургскими пожарами, чтобы «восстановить авторитет» правительства, «столь сильно поколебленный в последнее время».

Для расследования петербургских пожаров была создана специальная следственная комиссия. Она должна была найти поджигателей. Конечно найти их ей не удалось, и никаких сведений о деятельности ее в печати не появлялось. Герцен в своем «Колоколе» несколько раз напоминал об обещании правительства опубликовать результаты работы следственной комиссии, но безуспешно.

Тем не менее правительство широко использовало выгодную для него политическую ситуацию, создавшуюся после петербургских пожаров, и поспешило провести в жизнь ряд репрессивных мер.

Были закрыты все воскресные школы. Радикальные журналы «Современник» и «Русское слово» подверглись запрещению. Были произведены многочисленные аресты среди лиц, которых правительство подозревало в революционной деятельности. Среди арестованных находился Н. Г. Чернышевский, на которого правительство давно уже косилось, но тронуть которого раньше оно не решалось.

Не только реакционеры, но и перепуганные призраком революции либералы оправдывали репрессии правительства. В этом отношении очень интересно замечание министра внутренних дел Валуева в его всеподданнейшем отчете за 1861 — 1863 гг. Валуев, подводя итоги своей деятельности, писал:

«Чуткое чувство самосохранения возбудило другие чувства, которым следовало бы пробудиться и ранее майских пожаров. В эту эпоху совершился первый благоприятный поворот в общественном мнении; затихли похвалы, которые, несмотря на возмутительное зрелище университетских беспорядков, упорно приносились недоучившейся и вовлеченной в преступные заблуждения молодежи; в некоторых литературных органах стала заметною перемена направления; наконец в них появились прямые протесты против изменнических действий наших заграничных агитаторов, до тех пор пользовавшихся в России непостижимым кредитом. Все почувствовали, что для спасения общества и государства нужны были энергические правительственные распоряжения, и в то время, сколь бы ни были решительны меры, принятые правительством, они все были бы встречены почти всеобщим сочувствием».

К аналогичным выводам приходил в своем всеподданнейшем отчете за 1862 г. и шеф жандармов. Упомянув о петербургских пожарах и о чувстве «общего негодования», вызванном ими, он писал: «Таким образом удалось на этот раз рассеять скопившуюся над русской землею революционную тучу, которая грозила разрешиться при первом удобном случае».

Это заключение шефа жандармов чрезвычайно любопытно между прочим в том отношении, что оно выясняет, насколько опасным считало само правительство в то время свое положение и насколько серьезной представлялась ему угроза революции. Это об'ясняет нам, на какой почве возникла уверенность авторов «Молодой России» в том, что Россия находится накануне революции.

Надо ли говорить о том, что отношение как консервативной, так и либеральной печати к «Молодой России» было одинаково отрицательным. Характерно, что перепугавшиеся на-смерть помещики и буржуа старались всемерно скрыть свой страх и представить дело так, что на самом деле ничего опасного в «Молодой России» не было, что эта прокламация — детское озорство, которому не следует придавать никакого значения.

М. Н. Катков в июньской книжке «Русского вестника» отозвался о «Молодой России», как о «диком сумасбродстве», как о произведении «юношей-фанатиков». «Никто ни минуты не опасался, — писал Катков про авторов «Молодой России», — чтобы на голос их мог сочувственно отозваться народ. Такой глупости никому не приходило в голову... Трудно было читать ее (т. е. прокламацию. — **Б. К.**) без смеха, и первым движением каждого было желание, чтобы она была об-

народована и предана общественному посмеянию».

Каткову вторила газета «Северная пчела», которая (№ 15) писала: «Само собою разумеется, что мы не даем ни малейшего политического значения прокламации к «Молодой России». Мы смотрим на нее, как на порыв увлечения горячих голов; мы убеждены, что за ними никто не пойдет.

Достоевский в той самой статье, которую мы уже цитировали выше, писал: «Три золотушных школьника, из которых старшему уж наверное не больше тринадцати лет, напечатали и разослали глупейший листок, не справившись даже хорошо с иностранными книжками, откуда они все выкрали и бездарно перековеркали. Залп хохота должен был встретить глупый листок. Читая его, всякий сказал: «В семье не без урода». Но несколько хилых старцев в подагре и хирагре, со старобабьим умом, переменившие по прочтении глупого листка свое белье и даже тут не догадавшиеся о настоящем употреблении этого листка, эти старцы почувствовали страшный паралитический страх».

Все эти успокоительные заверения ни в коем случае нельзя принимать всерьез. Их авторы были напуганы «Молодой Россией» и пожарами не меньше других, не меньше тех хилых старцев, о которых писал Достоевский. Известно, например, что сам Достоевский во время пожаров в полном смятении прибежал к Чернышевскому и умолял его воздействовать на авторов прокламаций, убедив их прекратить пожары. Как мы видели, представители правительства в своих отчетах были откровеннее журналистов и не скрывали своего страха перед революцией и уверенности в том,

что она действительно могла разразиться в то время.

Что касается либеральных органов печати, то их отзывы о «Молодой России» ничем не отличались от отзывов печати консервативной. И они говорили об этой прокламации, что она — произведение школьников. И они лицемерно уверяли, что для страха перед революцией нет никаких оснований. К этому они присоединяли обвинение по адресу авторов «Молодой России» в том, что появление их прокламации оправдывает репрессии правительства. Они старались доказать, что, не будь «Молодой России», не было бы и реакционных мер, которые сочло нужным принять правительство. Внутренний обозреватель умеренно либеральных «Отечественных записок» (№ 1 за 1863 г.) С. С. Громека так отозвался о прокламации Заичневского:

«Никто не сомневается, что неизвестный автор «Молодой России» принес нашему правительству столько пользы, сколько не могло принести ему в совокупности усердие всей полиции... Они (реакционеры. — Б. К.) владеют теперь страшным пугалом — «Молодой Россией». У них теперь каждый прогрессист — поклонник теории «Молодой России».

Такой взгляд на роль, сыгранную «Молодой Россией», находил себе сторонников и в революционных кругах. Большинство революционеров считало издание этой прокламации грубой тактической ошибкой.

Что касается Герцена, то он ознакомился с «Молодой Россией» не раньше, как месяца через полтора по выходе ее в свет. До этого в Лондон пришли слухи о петербургских событиях и о начавшейся в России реакции. Узнал Герцен и о

том, что в черном стане нашлись люди, которые воспользовались «Молодой Россией» и пожарами для того, чтобы обвинить «русских изгнанников» (так принято было в то время в легальной русской прессе называть Герцена и других лондонских эмигрантов) в интеллектуальном соучастии с поджигателями, в подстрекательстве «безрассудной молодежи» к преступным действиям. Он прочитал уже те обвинения, которые были выдвинуты против него Катковым в «Современной летописи» от 6 июня. «Разве то, что они делают, не те же поджоги? — писал Катков про Герцена и Огарева, — или они так невинны, что не понимают, к чему клонятся их манифесты? Или они думают, что возбуждать стихийные страсти, которые так же мало разбирают свои жертвы, как и пожары, которые также сопровождаются стихийными бедствиями, падающими на бедных и богатых, на честных и бесчестных и еще больше на первых, — не значит поджигать, особенно, когда проповедники живут весело в сторонке и еще менее обыкновенных поджигателей рискуют своей особой? Разве это не одно и то же? Разве это еще не хуже? Разве нельзя всего ожидать от людей, которые действуют таким образом?».

Узнав о реакции, начавшейся в России, и ознакомившись с выпадами Каткова, Герцен, когда он прочитал наконец «Молодую Россию», решил отозваться на нее так, чтобы, с одной стороны, отмежеваться от этой прокламации, а с другой, попытаться убедить как правительство, так и общество, что для их тревоги в действительности нет никаких оснований. Этим определялось содержание двух статей, которые Герцен посвятил прокламации Заичневского в своем «Колоколе» — «Молодая и старая Россия» и «Журналисты и тер-

ристы». Подобно русской легальной прессе Герцен отозвался о прокламации Заичневского, как о произведении незрелого ума, результате юношеского легкомыслия, неспособном принести никакого вреда. Герцен писал:

«Если молодые люди (а для нас не подлежит сомнению, что летучий лист этот написан очень молодыми людьми) в своей заносчивости наговорили пустяков, остановите их, вступите с ними в спор, отвечайте им, но не кричите о помощи, не подталкивайте их в казематы... Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их не станем. Ну, что упрекать молодости ее молодость? Сама пройдет, как поживут... Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь — юношей-фанатиков».

Показав, что, по его мнению, никаких поводов для тревоги не существует и что «кровавые сентенции» прокламации Заичневского не заслуживают того значения, которое им придано правительством и обществом, Герцен обращался к выполнению своей второй задачи — к идейному отмежеванию от «Молодой России».

По мнению Герцена, «она вовсе не русская — это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции». «Говорить чужими образами, звать чужим кличем, — писал Герцен, — это непонимание ни дела, ни народа, это — неуважение ни к нему, ни к народу. Ну, есть ли тень вероятия, чтобы народ русский восстал во имя социализма Бланки, оглашая воздух кликами из четырех слов, в числе которых три длинных для него непонятны?»

Революция, идущая из центра, наподобие французских, невозможна, по мнению Герцена, в Рос-

сии. «Децентрализация — первое условие нашего переворота, идущего от нивы, от поля, от деревни. Народу надо проповедывать не Фейербаха и не Бабефа, а понятную для него религию земли».

Отмежевываясь от авторов «Молодой России», Герцен считал в то же время необходимым для себя оправдаться от тех обвинений, которые были выдвинуты против него в этой прокламации. Эти самооправдания Герцена, которым он отвел в своих статьях гораздо больше места, чем авторы «Молодой России» своим обвинениям по его адресу, показывают, что Герцен вряд ли был вполне искренен, когда расценивал прокламацию Заичневского только, как плод ребяческого задора. Несомненно, что упреки «Молодой России» задели Герцена за живое и что он в глубине души сознавал неправильность своего пренебрежительного отзыва об этой прокламации, как о «пустяках». Очевидно такая характеристика прокламации Заичневского обусловливалась у Герцена в значительной степени соображениями тактического порядка, желанием сгладить впечатление, произведенное «Молодой Россией», и удержать правительство от окончательного поворота на путь реакции.

Герцен продолжал еще в то время верить в возможность того, что русское правительство само встанет во главе «социального переворота» и проведет в России мероприятия, улучшающие положение крестьян. Это с полной очевидностью проявилось в его ответе на обвинения, выдвинутые против него авторами «Молодой России».

Правы ли Заичневский и его товарищи, утверждая, что Герцен потерял веру в насильственные перевороты?

«Не веру в них мы потеряли, — отвечает им Герцен, — а любовь к ним». Герцен признает, что такие перевороты бывают неизбежны, но это — последнее средство, к которому не надо призывать без крайней надобности, не истощив предварительно других средств.

В отличие от авторов «Молодой России» Герцен полагает, что в России переворот возможен только *через народ или через правительственную власть*, а не через группы революционеров-заговорщиков, не через «меньшинство из образованных». Но народ еще не готов к перевороту; он пойдет на него лишь тогда, когда убедится в полной безнадежности всяких надежд на царскую власть. Царская же власть, по мнению Герцена, *не сказала еще до сих пор своего последнего слова*, и неизвестно, каким путем она пойдет далее: «она может сделаться татарским ханатом и французским комитетом общественного спасения». Людям, искренне желающим добра народу, необходимо сделать все, чтобы побудить правительство стать во главе народного дела. Поэтому призывать народ к восстанию преждевременно, и революционеры должны пока ограничиться только организацией всех оппозиционных элементов общества и соединением с народом во имя осуществления его (а не западных) идеалов.

Так отвечал Герцен авторам «Молодой России». Как видим, они говорили на разных языках и не могли поэтому договориться между собой. «Молодая Россия» — отражение западно-европейской социалистической литературы; Герцена эта литература не убеждала; она казалась ему чуждой и далекой от России. Якобинству Заичневского он противопоставлял либеральную веру в благие на-

мерения правительства, с одной стороны, и доморощенное народничество, «русский социализм», с другой. Герцен не верил в применимость в России теории и практики Бабефа и Бланки. Заичневский же никак не мог согласиться с тем, что «наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту, к началам, признанным народным смыслом и вековым обычаем». Если «Молодая Россия» была первой по времени декларацией русского бланкизма, то статьи Герцена во многом предвосхищали позднейшую критику бланкизма, которую мы находим в народнической литературе 70-х гг. С этой точки зрения статьи Герцена о «Молодой России» можно считать началом той полемики между народничеством и якобинством, которая, то затихая, то вновь вспыхивая, велась на страницах русской революционной прессы в 60-х и 70-х гг.

В оценке «Молодой России» с Герценом сошелся вполне и Бакунин. Свое мнение о прокламации Заичневского он выразил в брошюре «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель», вышедшей в свет в начале сентября 1862 г.

«Прокламация «Молодая Россия», — писал Бакунин, — доказывает, что в некоторых молодых людях существует страшное самообольщение и совершенное непонимание нашего критического положения. Они кричат и решают, как будто бы за ними стоял целый народ. А народ-то еще по ту сторону пропасти, и не только вас слушать не хочет, но даже готов избить вас по первому мановению царя. Редакторов «Молодой России» я упрекаю в двух серьезных преступлениях. Во-первых, в безумном, истинно доктринерском пренебрежении к народу, а во-вторых, нецеремонном, бестактном и легкомысленном обращении с вели-

ким делом освобождения... Появление «Молодой России» причинило положительный вред общему делу, и виновниками вреда были люди, желавшие служить ему... Но прокламация редакторов «Молодой России» не может быть принята за серьезное выражение идей передовой молодежи. Несколько смелых юношей собрались и издали свою прокламацию... Довольно было, чтобы перепугать досмерти наших бедных правителей... Огромное большинство нашей молодежи принадлежит к партии народной, к той партии, которая поставила себе единою целью торжество народного дела (курсив Бакунина. — **Б. К.**). Эта партия не питает предрассудков ни за царя, ни против царя, и если бы сам царь, начавши великое дело, не изменил впоследствии народу, она никогда от царя и не отстала».

Как видим, в этом отзыве нет ничего нового по сравнению с известными нам уже статьями Герцена. Непонимание авторами прокламации политического положения России, их оторванность от народа и доктринерское пренебрежение к нему, бестактность их выступления, их витание в мире абстракций — обо всем этом мы читали уже у Герцена. Бакунин лишь повторяет то, что раньше него было сказано о «Молодой России» его другом; в оценке прокламации он вполне сходился с Герценом. И это вполне понятно. Те политические разногласия, которые обнаружились между Герценом и Бакуниным и позднее привели к их разрыву, в 1862 г. не носили еще острого характера. Вспомним, что та самая брошюра «Народное дело», в которой Бакунин высказал свое мнение о «Молодой России», свидетельствовала, что в то время ее автор еще не считал вполне исключенной возможность для царского правительства возгла-

вить «народное дело» и пойти на коренное преобразование всего строя России. В этой брошюре от имени всей революционной молодежи Бакунин давал обещание итти за царем, если тот сам пойдет во главе народа. Таким образом в 1862 г. Бакунин еще допускал возможность мирных преобразований, а в силу этого «Молодая Россия» не могла не встретить резко отрицательного отношения с его стороны.

Когда же Бакунин отделался окончательно от веры в возможность мирного исхода, изменился и его взгляд на прокламацию Заичневского. В 1868 г. в речи, произнесенной Бакуниным на Бернском конгрессе Лиги мира, он вновь заговорил о «Молодой России».

«Скажут, как говорили и тогда, что этот манифест, — говорил Бакунин, — есть только необдуманное и преувеличенное выражение чувств очень небольшого числа молодых ветренников. Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодых и пожилых людей, разбросанных по России и сочувствующих этим принципам, людей, которых чувства, стремления, инстинкты или, если так можно выразиться, симпатии вполне выражаются изложенными в манифесте принципами? Я думаю, что я скорее уменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается до 40 или даже до 50 тысяч человек».

Как видим, теперь Бакунин начал перегибать палку в другую сторону, чрезмерно преувеличивая число сторонников «Молодой России». Однако надо заметить, что и теперь Бакунина пленяла в «Молодой России» конечно не ее бланкистская программа переворота, а только яркая революционность ее авторов и их готовность итти до конца.

Отрицательным было отношение к «Молодой России» и Чернышевского. Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях рассказывает, что по выходе этой прокламации московский кружок, издавший ее, отправил Чернышевскому несколько экземпляров. Чернышевский отказался принять их и вообще очень сухо встретил посланного. «Но потом, — рассказывает Пантелеев, — его точно раздумье взяло, что он оттолкнул от себя людей, может быть чересчур экзальтированных, но во всяком случае энергических и преданных революционному делу: он решил выпустить особого рода прокламацию «К нашим лучшим друзьям»; скорый арест помешал ему выполнить это намерение».

Из другого источника известно, что Чернышевский присылал в Москву видного революционного деятеля той эпохи, одного из организаторов тайного общества «Земля и воля» А. А. Слепцова уговорить издателей «Молодой России» как-нибудь сгладить крайне неблагоприятное впечатление, произведенное их прокламацией. К каким результатам привела поездка Слепцова к сожалению неизвестно. Неизвестно даже, удалось ли ему повидаться с Заичневским: дело в том, что в начале июня 1862 г. ввиду тревожного времени доступ посетителей к Заичневскому был прекращен.

Чем вызывалось отрицательное отношение Чернышевского к «Молодой России»? Точный ответ на этот вопрос невозможен, так как никаких высказываний Чернышевского об этой прокламации до нас не дошло. Однако несомненно, что оно вызывалось не теми мотивами, что у Герцена и Бакунина. Их веры в возможность для царя пойти во главе «народного дела» Чернышевский не разделял. Исход крестьянской реформы слу-

жил в его глазах лучшим доказательством того, что от царского правительства народ никакого улучшения своей участи не дождется, что для этого есть один путь — путь революции. Однако в отличие от Заичневского Чернышевский не верил в то, что Россия уже находится накануне революции, он полагал, что для подготовки переворота необходима предварительная работа как организационная, так и пропагандистская. При таких условиях вызов, брошенный авторами «Молодой России» старому миру, не мог не казаться Чернышевскому преждевременным и вследствие этого вредным для дела. Только так, по нашему мнению, можно об'яснить отношение Чернышевского к «Молодой России».

Что касается революционных кругов внутри России, то и в них нашлось много людей, в которых прокламация Заичневского не встретила сочувствия.

Об этом свидетельствует между прочим прокламация «Предостережение», не появившаяся в печати вследствие того, что рукопись ее была захвачена жандармами при обыске, произведенном в Петербурге 15 июня 1862 г. у студента Баллода, организатора так называемой «карманной типографии».

Прокламация эта была составлена под непосредственным впечатлением петербургских пожаров и начиналась с оправдания революционеров от взведенного на них обвинения в том, что они «жгут Петербург». Авторы «Предостережения» об'являли издателей «Молодой России» «людьми экзальтированными», которые в своей прокламации «сказали несколько опрометчивых слов, но конечно не придавали им того смысла, какой хочет видеть в них правительство и

находит петербургская публика. Из этих слов ясно было их желание сказать только, что правительство ведет народ к восстанию и что они готовы стать в ряды народа при наступлении вооруженной борьбы. Но не отстать от народа, когда он поднимается, вовсе не то, что возбуждать его к резне».

Извратив содержание «Молодой России» заявлением, что ее авторы отнюдь и не думали призывать народ к восстанию, авторы «Предостережения» переходили к полемике с якобинскими идеями прокламации Заичневского.

«Революционная партия, — писали авторы «Предостережения», — никогда не бывает в силах сама по себе совершить государственный переворот. Пример тому — многочисленные попытки парижских республиканцев и коммунистов, которые всегда так легко подавлялись несколькими батальонами солдат. Перевороты совершаются народами»...

«Мы, революционеры, т. е. люди, не производящие переворота, а только любящие народ настолько, чтобы не покинуть его, когда он сам без нашего возбуждения ринется в борьбу, мы умоляем публику, чтобы она помогла нам в наших заботах смягчить готовящееся в самом народе восстание. Нам жаль образованных классов; просим их уменьшить грозящую им опасность. Но для этого нужно, чтобы публика сделалась более хладнокровна и менее легкомысленна, чем каковою выказала она себя в сплетнях о пожарах. Перестаньте поощрять правительство в его реакционных мерах».

Кем была написана прокламация «Предостережение», нам неизвестно. Однако есть основание предполагать, что она была составлена кружка-

ми, группировавшимися в Петербурге вокруг Н. И. Утина. За это говорит совпадение ее содержания в основных пунктах с прокламацией «К образованным классам», выпущенной Утиным в начале сентября 1862 г. [1].

Отрицательное отношение большинства революционеров того времени к «Молодой России» доходило до того, что в их среде находились люди, которые подобно Л. Ф. Пантелееву, зная, кем была издана эта прокламация, находили тем не менее возможным распространять слухи о провокационном происхождении ее. Это об'яснялось тем, что и им правительственная реакция казалась связанной с выходом прокламации Заичневского. Они думали, что не будь «Молодой России» не было бы и тех репрессий, которые последовали со сто-

---

[1] М. К. Лемке, опубликовавший прокламацию „Предостережение", высказал предположение, что она была составлена кружком Заичневского, желавшим, по совету Чернышевского, изданием ее сгладить впечатление, произведенное „Молодой Россией". Это предположение представляется нам совершенно невероятным. Трудно допустить, чтобы Заичневский и его товарищи согласились сами об'явить себя экзальтированными и легкомысленными людьми и отречься от тех идей, которые они излагали в „Молодой России". Из сообщений современников нам известно, что Заичневский горячо отстаивал „Молодую Россию" в спорах с навещавшими его в заключении посетителями. Якобинских взглядов Заичневский придерживался, как мы убедимся ниже, всю свою жизнь. Известно также, что он был человеком, не склонным итти на компромиссы и не боявшимся, когда дело шло об его убеждениях, оставаться в меньшинстве. Вот почему мы считаем его неспособным согласиться на издание прокламации, которая совершенно отвергала якобинские идеи „Молодой России" и сводила задачу революционеров на предупреждение ужасных последствий, которые могут произойти для „образованных классов", для „публики" от народного возмущения. Впоследствии Заичневский всегда с гордостью говорил о „Молодой России" и твердо помнил наизусть эту прокламацию.

роны правительства после издания этой прокламации. Они не понимали, что правительство вступило бы на путь реакции и без «Молодой России»; не будь этой прокламации, оно нашло бы какие-нибудь другие революционные выступления для того, чтобы «оправдать» свои репрессии.

Как ни много противников нашла себе «Молодая Россия» в рядах тогдашних революционеров, были люди, со стороны которых прокламация Заичневского встретила сочувственный прием.

Так, например, упоминавшийся выше Баллод в своих воспоминаниях рассказывает, что вскоре по выходе «Молодой России» к нему, как лицу близкому к революционному подполью, обратилось несколько офицеров генерального штаба, сообщивших ему, что ими организован большой офицерский кружок и что они хотели бы связаться с комитетом «Молодой России», чтобы оказывать ему содействие.

Тот же Баллод сообщает о другом петербургском кружке, среди членов которого — военных инженеров — также были люди, сочувственно отнесшиеся к «Молодой России».

Такие же люди нашлись среди преподавателей петербургских воскресных школ. Там прокламация Заичневского распространялась среди учеников и через них попадала на фабрики.

Сочувственное отношение встретила «Молодая Россия» и кое-где в провинции. Однако большинство революционеров было настроено к ней отрицательно и даже враждебно и старалось представить ее исключительно плодом юношеского легкомыслия.

Иную оценку «Молодая Россия» встретила со стороны основоположников научного социализма. В брошюре, написанной Энгельсом и Лафаргом

при участии К. Маркса, «L'Alliance de la Démocratie Socialiste» они отозвались о прокламации Заичневского, как о манифесте русской радикальной партии, и заметили, что «этот манифест давал ясный и точный отчет о внутреннем положении страны, состоянии различных партий, о положении печати и, провозглашая коммунизм, признавал необходимость социальной революции».

Современная историческая наука отказалась уже от мысли расценивать «Молодую Россию», как не имеющие значения «пустяки», и видит в ней исторический документ, представляющий большой интерес в качестве изложения мнений крайнего левого крыла революционного движения начала 60-х гг.

В «Молодой России» мелкобуржуазная революционная мысль того времени, отражавшая революционную ситуацию, создавшуюся в России после отмены крепостного права, достигла своего высшего напряжения. В связи с этим необходимо отметить одну весьма характерную для той эпохи черту, ярко проявившуюся в «Молодой России». Чрезвычайно решительная и ни перед чем не останавливающаяся в области преобразований общественного быта, «Молодая Россия» крайне осторожно подходит к перестройке экономики страны. В промышленности, как мы убедились, она не идет далее учреждения кооперативных фабрик и лавок. В области же земледелия идеал «Молодой России» сводится к мелкому индивидуальному хозяйству, связанному только одним ограничением — периодическими переделами земли внутри общины. Таким образом здесь преобразование ограничивается уничтожением помещичьего землевладения и укреплением и расширением сферы применения то-

го порядка землепользования, который существовал в современной Заичневскому крестьянской общине. Если бы такая реформа в области аграрных отношений осуществилась, она имела бы громадное революционное значение, так как нанесла бы окончательный удар крепостничеству и покончила бы со всеми его пережитками, задерживавшими развитие производительных сил страны. Однако в такой социальной реформе ничего социалистического еще не было.

Годы каторги, тюрьмы и ссылки

В апреле 1863 г. Заичневский был привезен в местечко Усолье, Иркутской губ. Там на казенном солеваренном заводе он должен был отбыть каторжные работы [1]. Завод этот находился в 65 километрах от Иркутска и в километрах 4 от большого тракта, соединяющего Иркутск с Томском. Заичневский был единственным русским из политических каторжан, содержавшихся в то время на Усольском заводе; остальные были поляки, сосланные за участие в восстании 1863 г.

Повидимому Заичневский пользовался на заводе значительной долей свободы. Любимым его занятием было выходить на тракт для того, чтобы встречать проходящие по нему партии политических каторжан и ссыльных и узнавать от них последние политические новости.

О своих товарищах по каторге — поляках Заичневский отзывался с большой симпатией. «Хороший народ, — говорил он, — особенно за то их люблю, что нет у них расположения к гамлетовщине, знает свой катехизис, — и никаких колебаний».

---

[1] О каторге и последовавших за ней поселении и ссылке Заичневского см. подробнее в моей статье в № 8—9 „Каторги и Ссылки“ за 1931 г.

Незадолго до выхода Заичневского на поселение произошла неприятная для него история. Администрации завода сделалось известно, что Заичневский, встретив на тракте ссыльного поляка Якубовского, привел его на завод для свидания с его соотечественниками, отбывавшими там каторжные работы. Этот эпизод привел к тому, что Заичневскому был назначен для поселения один из самых северных и отдаленных от Иркутска пунктов Иркутской губернии — Витим, Киренского уезда.

В Витиме Заичневский пробыл с 1864 по начало 1869 г., когда ему было разрешено возвратиться в Европейскую Россию. Местом для жительства ему была назначена Пензенская губерния.

В феврале 1869 г. Заичневский приехал в Пензу, но там ему пришлось пробыть недолго. Администрации стало известно, что он «дозволил себе в разговорах высказывать в явных намеках мысль нераскаяния в тех преступных своих действиях, которые вызвали высылку его; также точно решился провести вскользь мысль и о том, что при случае не прочь снова повторить то же самое, за что ныне находится он в ссылке». Ввиду этого пензенский губернатор поспешил избавиться от Заичневского и отправил его в уездный город Краснослободск.

В письме к своему знакомому по Витиму врачу Владыкину Заичневский так описывал жизнь в Краснослободске; «Говорить ли о настоящей жизни? Здесь она так пошла и нелепа, так утомительно скучно тянутся длинные дни, что мне, говоря откровенно, приходят на ум сибирские деревни, и знаешь ли? — бывают минуты, когда я с радостью окунулся бы снова в тамошнюю грязь. И здесь и там (я сравниваю не губернские города,

а глухие местечки) — грязь, но там грязь здоровая, элементы которой войдут в состав почвы и усилят ее плодородие, здесь, напротив, какая-то вонючая лужа, целые месяцы гниющая, здесь сток всех нечистот, и никто, кроме лягушек, жить и думать не может».

При свойственном Заичневскому умении легко сходиться с людьми круг его знакомств в Краснослободске в скором времени увеличился настолько, что он приобрел влияние на ход местных дел Это возбудило большую тревогу во властях. Недаром местный жандарм поспешил донести III отделению, что Заичневский «становится непременным членом... для обсуждения различных общественных вопросов, касающихся земства, мирового суда и т. п. предметов, интересующих общество». Так например, краснослободское земство по инициативе Заичневского ассигновало деньги на устройство земской библиотеки, однако губернатор не разрешил ее открыть. Особенно сильное влияние приобрел Заичневский, по словам жандарма, на местного следователя, который допускает Заичневского присутствовать на допросах и давать советы относительно ведения дел. Вместе с этим жандарм жаловался, что Заичневский насмешливо отзывается о «духовном браке», распространяет «свободные суждения» и возбуждает обывателей против административной власти.

Чтобы парализовать влияние Заичневского на краснослободское общество, пензенский губернатор в 1870 г. распорядился перевести его в другой уездный город Пензенской губернии — Мокшаны. Однако и там Заичневский сумел в скором времени завести обширный круг знакомств, сгруппировать вокруг себя местную интеллигенцию и приобрести влияние на ход общественных дел. И вновь

пензенский жандарм стал жаловаться III отделению на то, что Заичневский «забрал в свои руки некоторых деятелей земства и управляет ими так хитро, что сам всегда остается в стороне». Нет сомнения в том, что в Мокшанах Заичневский развернул довольно широко революционную пропаганду; некоторые из членов его кружка за свою революционную деятельность привлекались впоследствии (когда Заичневского уже не было в Пензенской губернии) по знаменитому процессу 193 (супруги Жилинские).

Местным властям Заичневский доставлял столько беспокойства, что они были рады отделаться от него В 1872 г. отец Заичневского ходатайствовал о том, чтобы его сын был отпущен ему на поруки с разрешением жить в Орловской губ. Пензенский губернатор поддержал это ходатайство, указывая, что «было бы осторожнее людям, подобным Заичневскому, нигде не давать укореняться», дабы они не могли приобретать влияние на общество. Ввиду этого в конце 1872 г. Заичневский был переведен в имение, принадлежавшее его отцу, с тем чтобы и там он продолжал находиться под полицейским надзором.

Хотя Заичневский и был обязан жить в имении, однако, пользуясь тем, что оно находилось всего в 27 километрах от Орла, он проводил все время в городе. Местные власти знали это, но терпимо относились к его незаконному пребыванию в Орле. Мало этого в 1874 г. губернатор дал ему неофициальное разрешение жить в городе [1].

---

[1] О пребывании Заичневского в Орле в 70-е гг. см. подробнее в моей статье, помещенной в № 10, „Каторги и Ссылки“ за 1931 г.

ды своего пребывания в Орле Заичневский
нтром, вокруг которого группировалась ор-
революционно настроенная молодежь;
революционер, побывавший на каторге и
проведший в ссылке, импонировал ей.
умение Заичневского привлекать к себе лю-
оявилось со всей силой. Не только орлов-
олодежь шла к нему за советами и указа-
но и из других городов приезжали в Орел
ься с Заичневским и поговорить с ним мо-
люди. «В течение ряда лет, — пишет
ригнер, — он был магнитом, который при-
учащуюся молодежь».

касается орловской молодежи, то влияние
Заичневского было поистине громадно. Ав-
. которым он пользовался, заставлял даже
йных противников относиться к нему с
м уважением. Кружок Заичневского в Ор-
словам современника, возбуждал в местных
лавристах и бакунистах «смешанное чувство не-
приязни и вместе невольного почтения, сосре-
доточившегося главным образом на его руково-
дителе».

Из орловской молодежи Заичневский организо-
вал ряд кружков. Эти кружки, состоявшие обычно
из 7—8 человек, устраивали более или менее ре-
гулярные собрания. На собраниях участники их
читали произведения Спенсера, Милля с примеча-
ниями Н. Г. Чернышевского, Лассаля, Маркса, Лав-
рова, изучали историю французской революции и
Парижской Коммуны. Заичневский комментировал
прочитанное. Некоторые из членов кружка состав-
ляли рефераты, которые зачитывались и подвер-
гались обсуждению. Одно время Заичневский читал
своим ученикам лекции по политической эко-
номии.

Из кружков Заичневского вышло не мало серьезных революционеров, например сестры Оловенниковы, М. В. Лаврова, М. Д. Носкова, В. П. Арцыбушев и др.

Революционная работа Заичневского в Орле велась весьма конспиративно. Только один раз его последователи рискнули на открытое выступление демонстративного характера. Это было в 1876 г. В это время в Орле умер от туберкулеза студент Махаев, привлеченный к ответственности по политическому делу. Орловская молодежь устроила торжественные похороны. Над могилою Махаева Арцыбушев произнес речь ярко революционного характера.

Влияние Заичневского распространялось не только на молодежь, но и на орловских земцев.

Живя в Орле, Заичневский поступил на службу секретарем уездной земской управы, а позднее и уездного по крестьянским делам присутствия. Его должность открывала ему возможность не только сблизиться с земцами, но и влиять на их работу.

Интересные сведения об этой стороне деятельности Заичневского находим мы в воспоминаниях Н. С. Русанова.

«Была в Заичневском, — пишет он, — одна черта, которая нас особенно раздражала. Революционер, социалист и политический заговорщик, он однако далеко не так отрицательно относился к конституции и либерализму, как это делало большинство тогдашних революционеров и даже легальных радикалов в печати... Якобинец Заичневский считал нужным поддерживать связь с представителями общества и пользовался среди них немалым успехом. Обладавший эффектной наружностью, хорошими манерами и редким умением говорить, он производил впечатление на либеральных

земцев и городских служащих... Занимая, если не ошибаюсь, место секретаря губернской земской управы, он стал неофициальным лидером левой оппозиции. Он очень ловко пользовался чтением протоколов заседания, чтобы вставлять дельные замечания, а порою даже произносить небольшие, но яркие речи, составляя эти протоколы столь же интересно, сколько тенденциозно, — чем возбуждал ярость правых, — и ухитряясь подготовлять материалы для очередного порядка таким образом, что на первый план неизменно выдвигались вопросы или общего принципиального, или злободневного, ярко политического характера. Левые земцы его любили, правые ненавидели, но боялись, а все советовались с ним, когда нужно было сделать какое-нибудь важное заявление от земства.

Таким образом и в Орле повторилось то же самое, что в Краснослободске и Мокшанах, где Заичневский сумел приобрести влияние на ход местных дел.

Мы говорили уже о том конспиративном характере, которым отличалась революционная деятельность Заичневского. Тем не менее кое-какие слухи и сведения относительно ее проникали в обывательскую массу. Русанов вспоминает «страшные разговоры, которые велись между нашими отцами об этом дьяволе в человеческом образе, об этом змие-искусителе молодого поколения».

Различные слухи о революционной работе Заичневского, а также и жалобы на него обывателей неоднократно доходили до местных властей, но никаких конкретных данных, компрометирующих Заичневского в политическом отношении, властям получить не удавалось. Неоднократно у Заичневского производились обыски. Неоднократно он

сам приглашался для разговоров в жандармское управление. Но этим дело и ограничивалось.

Заичневскому удалось настолько усыпить бдительность жандармов, что в начале 1876 г. III отделение по собственной инициативе возбудило вопрос о возвращении Заичневскому «прав состояния», которых он был лишен по судебному приговору. Впрочем, при этом у жандармов был особый расчет. Они надеялись, что Заичневский, получив свою долю из наследства, оставленного его отцом (к этому времени уже умершим), и сделавшись землевладельцем, «остепенится», расстанется со своими «вредными» идеями и сделается «полезным членом общества».

В мае 1876 г. Заичневский по высочайшему повелению был восстановлен в правах.

Надо ли говорить, что жандармские расчеты не оправдались ни в малейшей мере. На всю свою жизнь Заичневский остался непоколебимым революционером.

Годы, проведенные Заичневским в Орле, были временем большого оживления революционного движения в России. К 1873 г. в столицах и во всех более или менее крупных городах возникают кружки молодежи, мечтающей отдать свои силы революционному делу. В революционной среде идет напряженная борьба различных течений, расходящихся друг с другом как в программных, так и в тактических вопросах. Бакунисты ведут оживленные дискуссии с последователями Лаврова. За границей с 1873 г. появляются новые революционные журналы, — и в том числе с конца 1875 г. «Набат» П. Н. Ткачева, отстаивавший взгляды, близкие ко взглядам Заичневского. Летом 1874 г. происходило массовое движение революционно настроенной молодежи в народ, принесшее с собою горь-

кое разочарование: оказалось, что крестьяне далеко не так восприимчивы к социалистической пропаганде, как было принято думать. Под влиянием этого происходит пересмотр тактики: от летучей пропаганды в деревне революционеры решают перейти к оседлой, рассчитанной на длительное воздействие на крестьянство. Начинаются разговоры о необходимости снять с социализма его «немецкое платье» и при пропаганде исходить из действительных идеалов народа. Возникает северная группа народников, воспринявшая новую тактику и позднее преобразовавшаяся в тайное общество «Земля и Воля».

Заичневский стоял как бы в стороне от этого движения и относился к нему критически. Неудача попыток вызвать в народе восстание и невосприимчивость крестьянских масс к социализму, обнаружившаяся в результате хождения в народ, должны были только укрепить в Заичневском веру в правильность его собственных взглядов на задачи, стоящие перед русскими революционерами.

Как и в те годы, когда он писал «Молодую Россию», он мыслил революционный переворот, как дело тесно сплоченной, централизованной тайной организации. Ближайшая задача русских революционеров, по его мнению, сводилась к созданию в стране сети законспирированных и тесно связанных друг с другом кружков, долженствующих в известный момент выступить для того, чтобы свергнуть существующее правительство и захватить в свои руки государственную власть.

С этой точки зрения Заичневский не мог не относиться отрицательно к деятельности современных ему русских революционеров, находивших, по выражению Кравчинского, что в «революции все жанры хороши, кроме якобинского», и верив-

ших в существование особого «русского» со[illegible]
лизма.

К сожалению ни от 70-х гг., ни от позднейш[illegible]
времени до нас не дошло ни сочинений Заичне[illegible]
ского, ни его писем, по которым мы могли б[illegible]
ознакомиться с его общественно-политически[illegible]
взглядами того времени. Приходится поэтому [illegible]
вольствоваться тем немногим, что мы находим [illegible]
мемуарных свидетельствах современников, зна[illegible]
ших Заичневского.

В некрологе Заичневского, опубликованном [illegible]
1896 г. за границей и написанном со слов его учен[illegible]
ницы по Орлу М. Н. Оловенниковой (Ошаниной[illegible]
говрится:

«Петр Григорьевич был, как тогда говори[illegible]
«централистом». Всей подготовительной револ[illegible]
ционной деятельностью должен был управлят[illegible]
«центр», состоящий из людей, всецело преданны[illegible]
революции и по своим качествам стоящих вы[illegible]
среднего уровня. Сама же деятельность дол[illegible]
быть направлена главным образом в общест[illegible]
войско, имея целью сгруппировать все недов[illegible]
ные элементы в тайное общество, готовое к во[illegible]
нию по первому знаку центра. Что же касается [illegible]
рода, то деятельность там должна была быть [illegible]
сто агитационная, и то вести ее следовало н[illegible]
долго до восстания и притом при помощи лю[illegible]
специально для этого годных и не состояш[illegible]
центре. Всякие демонстрации и террор безус[illegible]
но им порицались, как прямая помеха орган[illegible]
ции. Организация и организация прежде вс[illegible]
причем центр и ближайшие к центру группы дол[illegible]
ны состоять из людей строго определенных мн[illegible]
ний: не только социалистов, но и знающих, чт[illegible]
они должны делать до и после революции. Рево[illegible]
люция же ему действительно представлялась в ви-

де восстания в центрах: «массы же всегда становятся на стороне совершившегося факта». Надо только, чтобы во время восстания центр или сам захватил власть, или помог захватить ее подходящим людям».

Аналогичную характеристику взглядов Заичневского дает Н. С. Русанов. По его словам Заичневский был «прежде всего политический революционер, и в значительной мере заговорщического типа». Он был «социалист, но, как нам казалось тогда, на чересчур иностранный лад». Движущими силами революции в России он считал революционную интеллигенцию и революционизированное ею войско с прибавлением «лучших людей» из общества и отрядов «рабочего класса» в больших центрах («несомненно городского пролетариата, а не крестьянства», — добавляет Русанов).

В то время как народники 70-х гг. крайне отрицательно относились к введению в России конституционного порядка, опасаясь, что конституция упрочит положение русской буржуазии и в силу этого принесет только вред народу, Заичневский, по свидетельству Русанова, считал, что конституционное брожение в обществе выгодно для революционеров.

Исходя из этого, он находил необходимой работу революционеров среди общества в целях создания среды, сочувствующей революционному движению и помогающей ему.

Таким образом Заичневский и в 70-х гг. продолжал стоять на той же бланкистской точке зрения, на которой он стоял в дни своей юности, когда он писал «Молодую Россию». В 70-е гг. его политические взгляды ближе всего подходили к программе журнала «Набат», издававшегося за границей П. Н. Ткачевым. Недаром, по свиде-

тельству современников, Заичневский нередко ссылался на этот журнал в подтверждение своих мнений.

Есть сообщение о том, что между «набатовцами» и кружком Заичневского в середине 70-х гг. было заключено какое-то соглашение относительно совместных действий.

К сожалению никаких подробностей относительно этого соглашения нам неизвестно.

Отрицательное отношение Заичневского к современному ему народничеству и в частности к «Земле и Воле» ярко проявилось во время знаменитой казанской демонстрации, устроенной «Землей и Волей» 6 декабря 1876 г. в Петербурге. Узнав, — повидимому от своих учеников, переселившихся к тому времени в Петербург, — о готовящейся демонстрации, Заичневский отправился в Петербург, чтобы удержать от участия в ней своих последователей.

Зная политические взгляды Заичневского, нетрудно догадаться, чем обусловливалось отрицательное отношение его к казанской демонстрации. Во-первых, он не верил в то, что эта демонстрация может удаться; ему казалось невероятным, чтобы ее устроителям удалось привлечь к участию в ней такое количество народа, при каком она могла бы получить значение массового революционного выступления. Во-вторых, Заичневский, придававший громадное значение организации, полагал, что публичные проявления революционности, подобные казанской демонстрации, не могущие сами по себе привести ни к каким серьезным результатам, приносят большой вред революционному движению, ставя тайную организацию под удары правительства и бесплодно вырывая из среды этой организации ряд членов, которые могли

бы еще принести значительную пользу делу. Большого агитационного значения казанской демонстрации, инициатива устройства которой исходила от распропагандированных землевольцами рабочих, Заичневский не учитывал.

6 декабря Заичневский присутствовал на демонстрации, а 8-го на собрании революционеров, состоявшемся на квартире его последовательницы Ошаниной; там он выступил с горячей речью, обвиняя устроителей демонстрации в недостаточной организованности и несерьезности, выразившейся в том, что они ожидали найти активную поддержку в населении города.

Поездка Заичневского в Петербург не осталась тайной для орловских жандармов и, когда он вернулся в Орел, его вызвали для об'яснений в жандармское управление, а орловский губернатор стал просить о высылке Заичневского из Орла, ссылаясь на то, что он оказывает чрезвычайно вредное влияние на учащуюся молодежь.

В августе 1877 г. Заичневский по распоряжению министра внутренних дел был выслан в г. Повенец, Олонецкой губернии.

Жизнь в Повенце, городишке с населением всего в 500 человек, была для Заичневского довольно тяжела, особенно на первых порах.

Как и в других местах своей ссылки, Заичневский и в Повенце быстро втянулся в местную жизнь. Ему удалось создать там довольно большую библиотеку, сделавшуюся центром, привлекавшим к себе как политических ссыльных, так и местную интеллигентную молодежь. Но вскоре библиотека была закрыта администрацией, а сам Заичневский «ввиду вредного влияния его на поднадзорных» был переведен в г. Шенкурск.

В Шенкурске Заичневский нашел довольно большую колонию ссыльных, живших очень дружно. Ими была устроена общая столовая, а при ней читальня, в которой получались лучшие журналы и газеты. Заичневский быстро втянулся в жизнь местной колонии. Однако пребывание его в Шенкурске оказалось непродолжительным.

В конце 1880 г. Заичневскому дано было разрешение переехать в Кострому, где он прожил около пяти лет.

И в Костроме Заичневский вел ту же конспиративную работу, которой он занимался в Орле. И здесь он сгруппировал вокруг себя кружок революционно настроенной молодежи.

М. П. Голубева, познакомившаяся с Заичневским в Костроме и ставшая его горячей последовательницей, в своих воспоминаниях о П. Г. пишет:

«Я помню конспиративную и собственную квартиры его в Костроме. Кто только не заходил туда! Там бывали люди самых различных положений и возрастов. Можно было встретить и учащихся, приезжающих на каникулы из Питера, Москвы, и учащихся в Костроме, и рабочих из типографии Андронниковой, и чиновников, и заезжих актеров, и каких-то барынь, грузчиков с парохода, и даже мальчишек из зеленной лавки... Одни приходили к нему, чтобы послушать его, другие советоваться, что и как им читать, третьи за книгами, четвертые за советами по своим профессиональным и личным делам. И для каждого Заичневский находил ответы, попадал, что называется в точку».

К сожалению об этой конспиративной деятельности Заичневского в Костроме нам ничего неизвестно.

Осенью 1885 г. Заичневскому было разрешено вернуться в Орел.

Таким образом конец 70-х и первую половину 80-х гг. Заичневский был оторван от культурных центров и мог только издали наблюдать ту упорную борьбу, которую организовавшаяся в 1879 г. партия «Народная Воля» вела против правительства. Зная политические взгляды Заичневского, мы не удивимся тому, что к деятельности «Народной Воли» он относился отрицательно. Он полагал что террористическая борьба, начатая «Народной Волей», отвлекает их силы от той работы, которую Заичневский считал наиболее действительной, целесообразной, — от организации заговора. В качестве доказательства своей правоты он приводил казнь Александра II народовольцами: смерть царя от бомбы революционера не привела к тем последствиям, которые ожидали от нее народовольцы; наоборот, после этого события репрессии со стороны правительства еще более усилились, вследствие чего вести революционную работу стало значительно труднее.

Вторая половина 80-х гг. была эпохой глубокого кризиса. Революционное движение почти замерло. «Народная Воля» погибла после жестоких ударов, нанесенных ей правительством. Попытки отдельных народовольческих кружков возродить разбитую партию оставались безрезультатными; провал следовал за провалом. Революционное народничество вырождается в мирную реформистскую теорию, начинающую строить свои расчеты не на революционной активности масс, а на частичных реформах, осуществляемых легальными средствами. Среди интеллигенции под влиянием поражения, понесенного «Народной Волей», начинает пользоваться успехом проповедь культурничества и теории «малых дел», уверявшей, что

«время широких задач прошло». Новое революционное направление, — в лице молодого марксизма, — только что начало развиваться; приверженцы его насчитывались пока еще единицами.

В это тяжелое и крайне неблагоприятное для революционной работы время Заичневский приехал в Орел. Однако он не принадлежал к числу людей, смирявшихся перед обстоятельствами и готовых опускать руки при встрече с трудностями и препятствиями. Человек уже не молодой, — ему было в это время 43 года, — Заичневский вновь с головою уходит в революционную работу. Он пропагандирует, организует кружки молодежи, конспирирует и скоро добивается того, что, говоря словами жандармских документов, «Орел делается мало-по-малу центром скопления значительного числа неблагонадежных лиц». Жандармы отмечали, что Заичневский по прибытии в Орел «тотчас же приобрел, ввиду своего революционного прошлого, особое влияние на молодежь». Как выяснилось впоследствии, ему удалось создать в Орле довольно значительный революционный кружок. Не ограничиваясь этим, Заичневский стремился установить связь с другими городами. Тайком от жандармов, внимательно следивших за ним, Заичневский неоднократно ездил в Москву, Курск и Смоленск, чтобы наладить и там революционную работу.

В Москве Заичневский был связан с несколькими революционными кружками, организованными его последователями: кружком юнкеров, организованным юнкером Романовым, кружком А. И. Орлова в хамовнических казармах и кружком Арцыбушева (брата упоминавшегося выше В. П. Арцыбушева) среди железнодорожников.

Значительный кружок удалось устроить в Курске. В центре его стоял В. П. Арцыбушев, который,

проведя первую половину 80-х гг. в ссылке в Восточной Сибири, в середине этого десятилетия возвратился в Европейскую Россию и с 1888 г. поселился в Курске. В курском кружке происходили оживленные дебаты относительно того, где выгоднее и целесообразнее вести революционную работу: в народе или среди интеллигенции. После долгих споров одержало верх мнение Заичневского, и было решено обратить все внимание на интеллигентную молодежь. Кружок успел наладить два гектографа и решил устроить тайную типографию.

Такой же кружок Заичневскому удалось организовать и в Смоленске; в него вошли С. Середа, П. Лобза, Н. Добровольский и др. Кружок устроил нелегальную библиотеку, наладил сбор денег в пользу ссыльных и преследуемых правительством и мечтал об организации террористического акта, дабы «разбудить общество от спячки». Работа кружка особенно развернулась после того, как в Смоленск переехал, член курского кружка землемер Ив. Дьяков. Было решено устроить свою типографию. Для этой цели член кружка наборщик Зверин украл из местной типографии, где он служил, до пуда шрифта. При помощи того же Зверина было изготовлено 20 листков для сбора денег; на этих листках было отпечатано:

«От Исполнительного Комитета. Исполнительный Комитет приглашает русских граждан к пожертвованиям в пользу лиц, пострадавших от насилий русского правительства».

Интересно отметить, что члены смоленского кружка, по инициативе Дьякова, решили в целях определения того направления, по которому должна итти работа кружка, снестись с Заичневским и Арцыбушевым и устроить с'езд, на котором выработать программу организации. Однако осуще-

ствлению этого плана помешали аресты, в результате которых, как мы увидим ниже, в 1889 г. вся организация, налаженная Заичневским, была разгромлена жандармами.

Чему же учил Заичневский группировавшуюся вокруг него революционную молодежь? Как думал он организовать революционную работу в тех тяжелых условиях, в которых ему пришлось действовать в то время? Каких взглядов на революцию придерживался он в 80-х гг.?

С. И. Мицкевич, слышавший одно выступление Заичневского в Москве в начале 1889 г., так рассказывает о речи, с которой Заичневский обратился к собравшимся слушать его студентам:

«Он говорил, что политическое затишье, переживаемое нами, — временное и уже приходит к концу, что необходимо приступить к революционной работе и что единственный путь к революции — это организация революционных кружков во всех слоях общества; особенно же следует обратить внимание на студенчество и военную среду. Нужно создать крайнюю конспиративную организацию и завоевать власть. После захвата власти временное революционное правительство должно провести сверху социалистические реформы и прежде всего передать крестьянам землю. В крестьянскую революцию он не верил».

Горячая почитательница Заичневского М. П. Голубева пишет в своих воспоминаниях про него:

«Переход в царство социализма он рисовал нам так: базируясь на недовольстве масс и опираясь на военную силу, мы, революционеры, в подходящий момент должны захватить власть в свои руки, посадить всюду своих комиссаров, издать ряд декретов, провести ряд реформ, которые бы в корне изменили существующий порядок (национали-

зация земли и т. д.). Но при этом Заичневский всегда прибавлял: — Не думайте, друзья, что мы можем сразу войти в царство социализма, да мы и не годимся для этого; нужно вырастить новое поколение; ведь, недаром же Моисей водил евреев 40 лет по пустыне, прежде чем ввести их в землю обетованную. Но для того, чтобы суметь захватить власть, мы должны иметь, с одной стороны, строго централизованную организацию; с другой стороны, поддержку и сочувствие во всех слоях общества (разумеется, в тех, которые имеют основание быть недовольными существующим строем); с третьей стороны, опору в войсках, в особенности среди командного состава, ибо солдат большей частью идет за своим офицером».

Из приведенных нами свидетельств С. И. Мицкевича и М. П. Голубевой видно, что и в 80-х гг. Заичневский продолжал смотреть на социальную революцию в основном так же, как он смотрел в годы своей молодости. Недооценивая революционной роли масс, он выдвигал на первый план заговорщическую работу тайной организации. Революция рисовалась ему в форме захвата власти революционерами и установления диктатуры в целях осуществления социальной революции.

Как мы видели выше, Заичневскому удалось наладить довольно значительную для той эпохи безвременья революционную организацию. Ее работа отличалась большой конспиративностью, и правительство долгое время не подозревало об ее существовании. Провал ее в 1889 г. явился следствием обстоятельств чисто случайного характера.

В марте 1889 г. происходил осмотр вещей у юнкеров Московского пехотного училища. При этом у одного из юнкеров, упоминавшегося выше Романова, были найдены письма к нему от его сестры

Аделаиды, проживавшей в Орле. Эти письма, в которых упоминалась фамилия Заичневского, свидетельствовали о стремлении А. Романовой направить умственное развитие ее брата в революционном духе. Начальство училища всполошилось. Романов был арестован.

Жандармы, которым было сообщено о письмах, найденных у Романова, поспешили арестовать Аделаиду Романову и Заичневского. При обыске, произведенном у Заичневского, была захвачена его переписка с различными ссыльными. Постепенно жандармам удалось раскрыть почти всю организацию, созданную Заичневским. Аресты были произведены не только в Орле, но и в Москве, Курске, Смоленске. Всего арестованных по этому делу было свыше 50 человек.

Около двух лет Заичневский провел в тюрьме в ожидании решения своей участи, после чего был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь на 5 лет. Большую часть этого срока ему пришлось провести в Иркутске, где он работал в редакции газеты «Восточное Обозрение», редактором которой в то время состоял И. И. Попов. В Иркутске Заичневский был одним из центров, вокруг которого группировались ссыльные и местная революционная молодежь; среди последней он организовывал кружки наподобие тех, которые были устроены им в Орле и в других городах, куда забрасывала его судьба.

Что касается «Восточного Обозрения», то — это была газета прогрессивного направления, в которой преобладающую роль играли так называемые сибирские областники: Загоскин, Вагин и др. Заичневский вел в этой газете в течение 1894 и 1895 гг. иностранное обозрение. К сожалению, нам неизвестно, как складывались отношения Заичневско-

го с его товарищами по редактированию «Восточного Обозрения»; однако, несомненно, что сотрудничество Заичневского в этой газете проходило не гладко. Между ним и областниками происходили серьезные недоразумения, обусловливавшиеся расхождением их друг с другом как в политических взглядах, так и по вопросу о направлении, которого должно придерживаться «Восточное Обозрение».

Областники были выразителями интересов молодой сибирской буржуазии, страдавшей от конкуренции русской буржуазии и стремившейся поэтому создать условия, благоприятствующие развитию сибирской промышленности и сельского хозяйства. Что касается областников, то, принципиально отрицая революционные пути, они выступали сторонниками развития местного самоуправления и культурной самостоятельности Сибири. Про них можно повторить то, что И. И. Попов в своих воспоминаниях писал о патриархе сибирского областничества Г. Н. Потанине: «Во главу общественно-политической деятельности он ставил м е с т н ы е интересы и доказывал, что пробуждение местного патриотизма и культурная работа на местах правильнее поставят общеполитические проблемы и создадут твердую основу правого демократического порядка. Якобинская тактика никогда ничего прочного не создавала». Естественно, что при таких условиях областники стремились сделать «Восточное Обозрение» органом, выражающим исключительно местные, сибирские интересы и нужды.

Заичневский конечно не мог примириться с такой постановкой программы газеты. Он находил нужным, чтобы она отзывалась на события и интересы не только местные, но и общероссийские и

мировые. Для него революционное движение в Сибири было частью общего русского движения. Он хорошо знал, что это движение связано с революционным движением, происходившим и в странах Западной Европы. Поэтому он находил необходимым подробно информировать читателей «Восточного Обозрения» относительно того, что происходит на Западе, и в частности относительно западно-европейского рабочего движения. Исходя из этого, он и строил свое иностранное обозрение. Местный патриотизм сибирских областников отталкивал от себя Заичневского и казался ему явлением узким, чересчур провинциальным. На этой почве между ним и его товарищами по редакции происходило много столкновений. Насколько обостренными были отношения между ними, можно судить по тому любопытному факту, что много лет спустя, когда Заичневского уже не было в живых, областники не могли вспоминать о нем без раздражения. Так в 1907 г. Г. Н. Потанин писал о «Восточном Обозрении» эпохи сотрудничества в нем Заичневского следующее:

«Заичневский вел газету в узком партийном направлении; он из органа областных сибирских интересов превратил ее в орган той партии, к которой сам принадлежал в Европейской России. Сибирские вопросы из газеты исчезли: вместо них внимание сибиряков занималось длинными рассказами о движении бельгийских рабочих».

В другой статье тот же Потанин обвинял Заичневского в том, что он «превратил «Восточное Обозрение» в орган рабочей партии, в газету, издаваемую для петербургских рабочих, чуть ли даже не в газету для бельгийских рабочих».

Потанин не понимал того, что выдвинутые им против Заичневского обвинения звучат скорее как похвала. Сибирские вопросы и при Заичневском не исчезли со страниц «Восточного Обозрения». Им газета отводила и при нем много места и внимания. «Вина» Заичневского заключалась в том, что он считал невозможным ограничиваться исключительно одними этими вопросами и старался знакомить сибиряков с западно-европейской жизнью и в частности с западным рабочим движением, которому он действительно уделял много места в находившемся в его заведывании иностранном обозрении. Органом своей «партии» сделать «Восточное Обозрение» Заичневский конечно не мог. Этому воспротивились бы другие члены редакции, не разделявшие его политических взглядов. Но этого мало; даже в своем иностранном обозрении он не мог подробно развивать своих взглядов, так как это обозрение носило характер фактической информации об иностранных событиях. Взгляды и симпатии Заичневского проявлялись поэтому главным образом в подборе тех фактов, которые он считал нужным осветить с фактической стороны в своем обозрении. Потанин прав в том отношении, что Заичневский действительно уделял сравнительно много внимания западному рабочему движению. Однако надо быть узким и ограниченным областником, чтобы это вменить ему в преступление. Читатели «Восточного Обозрения» несомненно были в выигрыше от того, что Заичневский не сосредоточивал их внимания исключительно на вопросах местного характера, но старался знакомить их и с проблемами мирового значения.

В конце 1895 г. сотрудничество Заичневского в «Восточном Обозрении» прекратилось: срок его

ссылки истек, и он получил возможность возвратиться в Европейскую Россию.

По приезде в Россию Заичневский поселился в Смоленске. И здесь вокруг него начали группироваться революционно настроенные элементы общества. Однако дни П. Г. были уже сочтены. 2 февраля 1896 г. он выступил в кружке своих друзей с рефератом об анархизме, к которому он относился отрицательно, а на следующий день он уже слег в постель. Прохворав полтора месяца, он скончался. Это было 19 марта.

М. П. Голубева, на руках которой Заичневский умер, в своих воспоминаниях пишет:

«Заичневский жил и умер революционером; для него ничего, кроме революции, не существовало; даже в бреду на смертном одре он все спорил с Лавровым, кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма».

Вся жизнь Заичневского была отдана на служение революции. Его глубокая преданность революционному делу производила громадное впечатление на всех, с кем ему приходилось соприкасаться. С. И. Мицкевич, встретившийся с Заичневским в 1889 г., пишет: «Среди серых, вялых, «размагниченных» интеллигентов того времени личность Заичневского, его прошлое, его молодой пыл и вера в торжество революции, столь необычные в то время, произвели на нас сильнейшее впечатление».

И. И. Попов, работавший вместе с Заичневским в редакции «Восточного Обозрения», говорит о нем:

«Ростом выше среднего, с большой бородой, в которой проглядывала сильная седина, с длинными седыми волосами, розовым лицом и замечательно мягкими, эластичными движениями, с бле-

стящими веселыми молодыми глазами, с несколько сиповатым голосом, П. Г. производил приятное, даже обаятельное впечатление. Он был человеком широкого образования, знал несколько языков, был блестящим оратором, интересным, остроумным собеседником; иногда он любил и посмеяться над человеком, а не то послать по его адресу, положим в мягкой форме, шпилечку. П. Г. был великолепным агитатором и пропагандистом. Без агитации, пропаганды и конспирации он не мог жить— это было его стихией».

Все эти качества Заичневского об'ясняют, почему он производил такое сильное впечатление на окружающих. Он обладал редким умением пробуждать в молодежи революционные чувства и втягивать ее в движение. Из организованных им в Орле и в других местах кружков молодежи вышло весьма значительное число людей, вписавших свое имя в историю революционного движения. В этом отношении многолетняя революционная работа Заичневского была в высшей степени плодотворной. Она дает ему право на почетное место среди бойцов революционной армии.

Однако поклонники и последователи Заичневского кончали обычно тем, что уходили в сторону от своего учителя и направлялись не по тем путям, на которые направлял их он Как мы убедились, Заичневский навсегда остался верен тем общественно-политическим идеалам, которые он выработал в молодости; до самой смерти своей он продолжал быть якобинцем-бланкистом. Между тем якобинское течение никогда не было господствующим направлением в рядах русских революционеров. В конце 70-х гг. большинство учеников Заичневского ушло от него в ряды «Народной Воли». Даже М. Н. Ошанина, до конца жизни остав-

шаяся верной якобинским идеалам своей молодости, к неудовольствию Заичневского, примкнула к этой партии и играла выдающуюся роль в ее знаменитом Исполнительном комитете. Позднее большинство учеников Заичневского уходило в социал-демократию, где присоединялось к ее левому, большевистскому крылу (Арцыбушев, М. П. Голубева, Орлов, Романов). Эти ученики Заичневского поняли руководящую роль, принадлежащую в социальной революции фабрично-заводскому пролетариату. Это и обусловило их отход от программы их учителя.

Заичневский был знаком с сочинениями Маркса. М. П. Голубева рассказывает:

«Помню, как-то раз Заичневский пришел в наш кружок в тот момент, когда мы читали главу «Разделение труда и мануфактура» из первого тома «Капитала».

Он взял слово и нарисовал перед нами картину разделения труда в таких ярких красках, что я до сих пор, через сорок лет, ясно представляю себе производство булавок».

Заичневский, как мы уже видели, живо интересовался рабочим движением на Западе и был хорошо осведомлен о том, как оно развивалось.

Однако все это не заставило его пересмотреть свои взгляды. При нем в России начало развертываться рабочее движение. Такие факты, как знаменитая морозовская стачка 1885 г., невольно наталкивали мысль на то значение, какое имеет для революции рабочее движение. Заичневский не понял этого. Со своими революционными призывами он продолжал обращаться не к рабочим, а к интеллигентной молодежи.

Из нее главным образом, а не из рабочих, строил он свои революционные кружки.

В. И. Ленин писал: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Таким якобинцем Заичневский не сделался. Только большевики поняли то, чего не понял Заичневский, — что роль гегемона в социалистической революции принадлежит рабочему классу, что рабочие могут освободить себя от гнета капитала и эксплоатации только своими собственными руками под руководством революционной коммунистической партии.

МОЛОДАЯ РОССИЯ

«Крайности ни в ком нет, но всякий может быть незаменимой действительностью; пред каждым открытые двери. Есть что сказать человеку — пусть говорит, слушать его будут; мучит его душу убеждение — пусть проповедует. Люди не так покорны как стихии, но мы всегда имеем дело с современной массой, ни она не самобытна, ни мы не независимы от общего фона картины, от одинаких предшествовавших влияний, связь общего есть. Теперь вы понимаете от кого и кого зависит будущность людей и народов?

— „От кого?"

— Как от кого? Да от нас с вами, например. Как же после этого сложить нам руки?»

А. Герцен (Роберт Оуен).

Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые следовательно стоят враждебно одна к другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти — народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность — землю, грабит и царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвен-

ные подати и употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое фрейлинам-любовницам, на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа.

Опираясь на сотни тысяч штыков, царь отрезывает у большей части народа (у казенных крестьян) землю, полученную им от своих отцов и дедов, делает это в видах государственной необходимости, и в то же время, как бы в насмешку над бедным, ограбляемым крестьянином, дарит по несколько тысяч десятин генералам, покрывшим русское оружие неувядаемою славою побед над безоружными толпами крестьян; чиновникам, вся заслуга которых — немилосердный грабеж народа; тем, котрые, умеют ловчее подать тарелку, налить вина, красивее танцуют, лучше льстят!

Это всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия, партия — н а р о д.

Сверху над нею стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых. Это помещики, предки которых, или они сами, были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу; это потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке; это купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это чиновники, накравшие себе состояния, — одним словом все имущие, все у кого есть собственность родовая или благоприобретенная. Во главе ее царь. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один, — уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую роботу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою и звеном соединения — соб-

ственность. Она понимает, что всякое народное, революционное движение направлено против собственности и потому в минуту восстания окружит своего естественного представителя—царя. Это—партия императорская.

Между этими двумя партиями издавна идет спор, спор почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику Русскую, с Пугачевым за уничтожение чиновничества, за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х годах, за их притеснения: она встанет с благородным Антоном Петровым — и против всей императорской партии.

К этой безурядице, к этому антагонизму партий, антагонизму, который не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие, владеющие капиталами, являются распорядителями участи остальных, присоединяется и невыносимый общественный гнет, убивающий лучшие способности современного человка.

В современном, общественном строе, в котором все ложно, все нелепо от религии, заставляющей веровать в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения, — бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики, от узаконения торговли этого организованного воровства и до признания за разумное положение работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, ли-

шенной всех политических прав и поставленной наравне с животными.

Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека, и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы, один — революция, революция кровавая и неумолимая,— революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут может быть и невинные жертвы; мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление, мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно-желанная!

Понимает необходимость революции инстинктивно и масса народа, понимает и небольшой кружок наших действительно передовых людей... и вот из среды их выходят один за другим эти предтечи революции и призывают народ на святое дело восстания, на расправу с своими притеснителями, на суд с императорской партией. Расстреливание за непонимание дурацких положений 19-го Февраля, работа в рудниках за указание безнадежности настоящего положения, ссылка в отдаленные губернии, ссылка гуртом в каторжные работы за публичное заявление своего мнения, за молитву в церквах по убитым, — вот чем отвечает императорская партия им!

Императорская партия! Думаете ли вы остановить этим революцию, думаете ли запугать революционную партию? Или до сих пор вы не поняли, что все эти ссылки, аресты, расстреливания, засечения на смерть мужиков ведут к собственному же вашему вреду, усиливают ненависть к вам и

заставляют теснее и теснее смыкаться революционную партию, что за всякого члена, выхваченного вами из ее среды, ответите вы своими головами? Мы предупреждаем и ставим на вид это только вам, члены императорской партии, и ни слова не говорим о ваших начальниках, около которых вы группируетесь; о Романовых — с теми расчет другой Своею кровью они заплатят за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!

Больше же ссылок, больше казней! — раздражайте, усиливайте негодования общественного мнения, заставляйте революционную партию опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всем этим ускорите революцию, и что, чем сильнее гнет теперь, тем беспощаднее будет месть.

Революции все способствует в настоящее время: волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весною 1863 года, когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами; а тут еще носятся слухи о новой войне, поговаривают, что государь поздравил уже с нею гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы, и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода! Но может случиться, что крестьяне восстанут не сразу в нескольких губерниях, а отдельными деревнями, что войско не успеет пристать к нам, что революционная партия не успеет сговориться, недостаточно централизуется, и заявит свое существование не общим бунтом, а частными вспыш-

ками, императорская партия подавит их и дело революции снова остановится на несколько лет.

Для избежания этого Центральный Революционный Комитет в полном своем собрании, 7 Апреля, решил:

Начать издание журнала, который выяснил бы публике принципы, за которые он борется, и в то же время служил бы органом революционной партии в России. В нем будут помещаться отчеты о заседаниях Комитета, будут предлагаться вопросы на обсуждение пров. комитетам, будут заявляться публике мнения революционной партии о каждом важном событии. Комитет вынужден был приступить к изданию своего органа и тем что еще ни один из издаваемых журналов не выяснил обществу революционной программы. Для доказательства этого мы обратимся к двум органам: Колоколу и Великоруссу.

Не смотря на все наше глубокое уважение к А. И. Герцену, как публицисту, имевшему на развитие общества большое влияние, как человеку, принесшему России громадную пользу, мы должны сознаться, что «Колокол» не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их.

С 1849 г. у Герцена начинается реакция: испуганный неудачною революциею 48 года он теряет всякую веру в насильственные перевороты. Два, три неудавшихся восстания в Милане, ссылка и смерть на его глазах французских республиканцев, наконец казнь Орсини, окончательно тушат его революционный задор, и он принимается за издание журнала с либеральною (не более) программою.

Колокол, встреченный живым приветом всей мыслящей России, как первый свободный орган,

вскоре становится загадкою для людей действительно революционных. Где же разбор современного политического и общественного быта России, где проведение тех принципов, на которых должно построиться новое общество.

Проходит еще год, и Колокол, оказывая влияние на правительство, уже совсем становится конституционным. Увлечение им молодежи уменьшается, революционная партия ищет другого органа и если он читается, то этому способствует еще прежняя слава Герцена, Герцена, приветствовавшего революцию, Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена и Луи Блана в непоследовательности, в том, что они, имея возможность, не захватили диктатуры в свои руки и не повели Францию по пути кровавых реформ для доставления торжества рабочим.

Наконец его надежды на возможность принесения добра Александром или кем-нибудь из императорской фамилии; его близорукий ответ на письмо человека, говорившего, что пора начать бить в набат и призвать народ к восстанию, а не либеральничать. Его совершенное незнание современного положения России, надежда на мирный переворот; его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нилудь сделать,—окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии.

Но нам могут возразить, что ошибаемся мы, а не Герцен, что отвращение его от насильственных переворотов проистекло из знакомства с историей Запада, от его уверенности, что каждая революция создает своего Наполеона.

Мы ответим на это, что и сам Герцен не разделяет этого мнения, да и революции кончились ху-

до от непоследовательности людей, поставленных во главе ее. Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить второе больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах.

В Июле прошлого года появился в России Великорусс.

Несмотря на всю ошибочность и отсталость его мнений, несмотря на радикальную противоположность их с нашими, мы все-таки должны заявить свое уважение к редакции его, выдавшей в России же протест против существующего порядка. Успех Великорусса был громадный, что и надо было предвидеть в начале. Удовлетворяя и как нельзя лучше совпадая с желаниями нашего либерального общества, т. е. массы помещиков, стремящихся хоть чем-нибудь нагадить правительству и опасающихся в то же время даже тени революции, грозящей поглотить их самих, кучки бездарных литераторов, сданных за ветхостью в архив, а во времена Николая считавшихся за прогрессистов, он все-таки не мог составить около себя партии. Его читали, об нем говорили, да и только. Он вызывал улыбку революционеров своим мнением о том, что государь побоится отдать приказ стрелять в собравшийся нрод, своими невинными адресами, которыми думает спасти Россию.

Об остальных заграничных журналах даже и упоминать не стоит. Не понимаем зачем это уезжают из России господа в роде Блюммера и кн. Долгорукова. Шли бы себе они, шли рука об руку с Русским вестником и Северной почтой, да-

вызывали бы все вместе своими принципами презрение всех честных людей.

О прокламациях (на всякой брошюре, изданной нами, будет стоять «Изд. Центр. Рев. Ком.») выходивших в последнее время в таком изобилии, тоже распространяться не стоит: неимение определенных принципов, пустое ничего не значущее и ни к чему не ведущее либеральничанье, — вот отличительные черты их.

Не находя ни в одном органе полного выражения революционной программы, мы помещаем теперь главные основания, на которых должно построиться новое общество, а в следующих нумерах постараемся развить подробнее каждое из этих положений.

Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных Собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос.

Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин: на его долю, по распоряжению мира, назначается известное количество земли, от которой он впрочем может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоставляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиною.

Земля, отводимая каждому члену общины, от-

дается ему не на пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель. Все остальное имущество членов общины остается неприкосновенным в продолжение их жизни, но по смерти делается достоянием общины.

Мы требуем, чтобы все судебные власти выбирались самим народом; требуем, чтобы общинам было предоставлено право суда над своими членами во всех делах, касающихся их одних.

Мы требуем, чтобы кроме Национального Собрания, составленного из выборных всей земли Русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие Областные Собрания в главном городе и каждой области, составленные только из одних представителей последней. Национальное Собрание решает все вопросы иностранной политики, разбирает споры областей между собою, вотирует законы, наблюдает за исполнением прежде постановленных, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога. Областные Собрания решают дела, касающиеся до одной только той области, в главном городе которой они собираются.

Мы требуем правильного распределения налогов, желаем, чтобы он падал всею своею тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых. Для этого мы требуем, чтоб Национальное Собрание, назначая общую сумму налога, распределило бы его только между областями. Уже Областные Собрания разделяют его между общинами, а сами общины в полном своем собрании решают, какую подать должен платить какой член ее, причем обращается особое внимание на состояние каждого, одним словом вводится налог прогрессивный.

Мы требуем заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет, требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения.

Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения. Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков, одним словом всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими будут пользоваться мужчины, требуем уничтожения брака, как явления в высшей степени безнравственного и немыслимого при полном равенстве полов, а следовательно и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека, и без которого немыслимо уничтожение наследства.

Мы требуем уничтожения главного притона разврата — монастырей, мужских и женских, тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди, ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате. Имущества как их, так и всех церквей должны быть отобраны в пользу государства и употреблены на уплату долга внутреннего и внешнего.

Мы требуем увеличения в больших размерах жалованья войску и уменьшения солдату срока службы. Требуем, чтобы по мере возможности

войско распускалось и заменялось национальной гвардиею.

Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россиею.

Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов желают ли они войти в состав федеративной Республики Русской.

Без сомнения мы знаем, что такое положение нашей программы как федерация областей не может быть приведено в исполнение тотчас же. Мы даже твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе Правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения политическую, а не административную, чтобы при помощи ее вести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное Собрание должны производить под влиянием Правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если они только останутся живы). К чему приводит невмешательство революционного Правительства в выборы доказывает прошлое французское Собрание 48 года, погубившее республику и приведшее Францию к необходимости выбора Луи Наполеона в императоры.

Теперь, когда мы выяснили свою программу, к нам обратятся с вопросом, на кого же мы надеемся, где те элементы, сгруппировать которые мы хотим, кто на нашей стороне.

Мы надеемся на народ: он будет с нами, в осо-

бенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов.

Забитый и ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива его, а—войску и нашей молодежи.

Мы надеемся на войско, надеемся на офицеров, возмущенных деспотизмом двора, той презренной ролью, которую они играли и теперь еще играют, убивая своих братьев поляков и крестьян, повинуясь беспрекословно всем распоряжениям государя. Оно вспомнит Сентябрьский приказ, разберет хорошенько, в какое положение поставит себя, если станет исполнять его, да кстати вспомнит и свои славные действия в 1825 году, вспомнит бессмертную славу, которой покрыли себя герои мученики.

Но наша главная надежда на молодежь. Воззванием к ней мы оканчиваем нынешний нумер журнала, потому что она заключает в себе все лучшее России, все живое, все, что станет на стороне движения, все, что готово пожертвовать собой для блага народа.

Помни же, молодежь, что из тебя должны выйти вожаки народа, что ты должна стать во главе движения, что на тебя надеется революционная партия! Будь же готова к своей славной деятельности, смотри, чтобы тебя не застали врасплох! Готовься, а для этого сбирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться.

Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика Русская; Двинемся на зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться, и это последнее вернее, что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя, потому что здесь будет итти вопрос о том существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае с полною верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик «в топоры» и тогда... тогда бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!

Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами.

Но не забывай при каждой новой победе во время каждого боя повторять: да здраствует социальная и демократическая республика Русская!

А если восстание не удастся, если придется нам поплатиться жизнию за дерзкую попытку дать человеку человеческие права, пойдем на эшафот не трепетно, бесстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим тот же великий крик: «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!»

ЛИТЕРАТУРА о П. Г. ЗАИЧНЕВСКОМ и „МОЛОДОЙ РОССИИ"

1. Дело Заичневского. Сборник „О минувшем". СПБ, 190- г.
2. А. Можарова. Воспоминания о П. Г. Заичневском. Там же.
3. М. Лемке. Политические процессы в России 60-х гг П. 1923 г.
4. Политические процессы 60-х гг. Под ред. Б. Козьмина. М. 1923 г.
5. Н. К истории процесса П. Г. Заичневского. „Современник" 1913 г. № 2.
6. В. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского. „Голос Минувшего", 1922 г. № 1.
7. Письма П. Г. Заичневского к П. Аргиропуло и Н. Г. Заичневскому. „Красный Архив" т. 1.
8. Б. Козьмин. К биографии Заичневского. „Историко-революционный Бюллетень", 1922 г. № 1.
9. В. Линд. Воспоминания о моей жизни. „Русская Мысль", 1911 г. № 8.
10. С. Мицкевич. Русские якобинцы. „Пролетарская Революция", 1923 г. № 6—7.
11. Н. Батурин. О наследстве „русских якобинцев". „Пролетарская Революция, 1924 г. № 7.
12. С. Мицкевич. К вопросу о корнях большевизма. „Каторга и Ссылка", 1925 г. № 3.
13. Синеира. Еще о марксизме и бланкизме. „Печать и Революция", 1925 г. № 2.
14. Ф. Раскольников. Из истории русской революционной мысли 60-х гг. „Молодая Гвардия", 1924 г. № 4.

15. Б. Козьмин. Кружок Заичневского и Аргиропуло. „Каторга и Ссылка“, 1930 г. №№ 7 и 8-9.
16. Б. Козьмин. К истории „Молодой России“, Каторга и Ссылка“, 1930 г. № 6.
17. Б. Козьмин. П. Г. Заичневский на каторге, поселении и ссылке. „Каторга и Ссылка“, 1931 г. № 8—9.
18. Б. Козьмин. П. Г. Заичневский в Орле и кружок „орлят“. „Каторга и Ссылка“, 1931 г., № 10.
19. В. Быстренин. Уходящее. „Голос Минувшего“, 1922 г. № 2.
20. Н. Русанов. На родине. М. 1931 г.
21. Никифорова-Мацнева. П. Г. Заичневский на Казанской демонстрации 1876 г. „Каторга и Ссылка“ 1927 г. № 5.
22. Некролог Заичневского, „Материалы для истории русского социально-революционного движения. 1896 г. X, 3—6.
23. С. Мицкевич. О П. Г. Заичневском. „Историко-революционный Бюллетень“, 1922 г. № 1.
24. М. Голубева. Воспоминания о Заичневском. „Пролетарская Революция“, 1923 г. № 6—7.
25. Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер. Составили Б. Козьмин и Г. Лелевич. М. 1930 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1861—1862 годы	7
Кружок Заичневского и Аргиропуло	46
„Молодая Россия“	86
Годы каторги, тюрьмы и ссылки	130
Приложение. „Молодая Россия“ (прокламация)	157
Литература о П. Г. Заичневском и „Молодой России“ .	171

Книги Б. П. Козьмина

1. П. Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов. Изд. „Новый Мир", М. 1922 г.
2. Рабочее движение в России до революции 1905 г. Изд. ВЦСПС, М., 1925 г.
3. Рабочее движение в России в XIX в. Изд. „Пролетарий", Харьков, 1926 г.
4. С. В. Зубатов и его корреспонденты. ГИЗ., М.-Л., 1928 г.
5. Революционное подполье в эпоху „белого террора". Изд. О-ва политкаторжан, М. 1929 г.
6. Казанский заговор 1863 года. Изд. О-ва политкаторжан, М., 1929 г.
7. Харьковские заговорщики 1856-1858 годов. Изд „Пролетарий". Харьков, 1930 г.
8. Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. Гос. Соц.-Экон. Изд. М.-Л., 1931 г.

Под редакцией Б. П. Козьмина.

1. Политические процессы 60-х годов. ГИЗ, М.-Л. 1923 г.
2. Совместно с Н. И. Ракитниковым. Письма Егора Сазонова к родным. Изд. О-ва политкаторжан, М. 1925 г.
3. Рабочее движение в России. Биографии виднейших деятелей. Два выпуска. Изд. „Пролетарий", Харьков, 1926 г.

4. **П. Н. Ткачев.** Избранные литературно-критические статьи. Изд. ЗИФ, М.-Л., 1928 г.

5. **А. М. Скабичевский.** Литературные воспоминания. Изд. ЗИФ, М.-Л., 1928 г.

6. **Писатели современной эпохи.** Био-библиографический словарь русских писателей XX века, т. I, Изд. Гос. Академии Худож. Наук, М. 1928 г.

7. **П. Л. Боборыкин.** За полвека. Изд. Зиф. М., 1929 г.

8. **В. А. Поссе.** Мой жизненный путь. Изд. Зиф. М., 1929 г.

9. **И. М. Красноперов.** Записки разночинца". Изд. „Молодая Гвардия", М., 1929 г.

10. **Совместно с Г. Лелевичем.** Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер. Изд. О-ва политкаторжан, М., 1910 г.

11. **Вера Засулич.** Воспоминания. Изд. О-ва политкаторжан, М., 1931 г.

12. **Совместно с М. М. Константиновым.** Н. Г. Кулябко-Корецкий. Из давних лет. Воспоминания лавриста. Изд. О-ва политкаторжан, М., 1931 г.

Цена 60 коп.

2 99/51

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правлению Издательства политкаторжан— Москва, 34, Лопухинский пер., 5; тел. 3-64-73.
2) Магазину Издательства политкаторжан „МАЯК“ — Москва-центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 8-63-20.